

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**ГОЛОВОЛОМКА
ДЛЯ
ПРАКТИКАНТКИ**

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Головоломка для практикантки / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2023. — 416 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-04-175481-5

В квартире на Патриарших прудах убита и ограблена пожилая женщина, вдова известного ювелира. Полковники МВД Гуров и Крячко вместе с прикрепленной к ним практиканткой осматривают квартиру и понимают, что вор знал, за чем шел, и взял только самое ценное. Это подтверждает и внучка убитой. Среди пропавших вещей — дорогая статуэтка, по-видимому, ставшая орудием убийства. Гуров понимает: если ему удастся найти статуэтку, он сможет легко вычислить преступника. Сыщик прилагает все усилия к поиску пропажи, еще не предполагая, какой ужасной окажется развязка этой кровавой истории...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175481-5

© Макеев А.В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Головоломка для практикантки

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Очередное утро для Гурова выдалось нервным и беспокойным. Он шел на работу и понимал, что его ждет великое множество дел и еще что-то, так подсказывала интуиция. Дорога от дома до его кабинета составляла ровно 48 минут. Ходил он всегда пешком, чтобы насладиться утренними пейзажами просыпающегося города. Лев Иванович знал каждый закоулок по дороге на работу и ожидал увидеть постоянных обитателей улиц, которых встречал ежедневно. Так, во дворе соседнего дома в 6.43 почти всегда можно было увидеть худого дворника, лениво взмахивающего метлой. Метрах в двадцати от светофора, в арке, местные жильцы обычно подкармливали котов. Среди котиков особенно ласковым был рыжий хвостатый Васька. Гуров никогда не упускал возможности погладить этого наглого кота и даже иногда баловал его каким-нибудь лакомством. Сегодня день не задался: светофор сломался, а рыжий Васек не пришел поприветствовать Льва Ивановича. «М-да, то ли еще будет...» — пробормотал Гуров, недоуменно приподнимая брови, и двинулся вперед.

Перед тем как войти в кабинет, Гуров попытался взбодриться и настроиться на работу. Только хороший настрой помогал сыщику расследовать самые сложные преступления и выполнять задания с максимальной отдачей и педантичностью. Негатива хватает везде, поэтому Гуров культивировал и возвращал в себе иногда искусственно то, чего не хватало в его далекой от романтики работе.

Едва Лев Иванович вошел в кабинет и пожал руку своему напарнику Крячко, который, к удивлению, сегодня не опоздал на работу, как в дверном проеме показался начальник. На

лице Орлова расплывалась улыбка, он лукаво подмигивал. Такое поведение было несвойственно генералу, поэтому оно не забавляло, а настораживало Гурова и Крячко. И тут тело Орлова сдвинулось в сторону и пропустило вперед стройную и чертовски привлекательную девушку.

— Знакомьтесь... Анна Шувалова — студентка юридического факультета университета МВД, прибыла в наше управление уголовного розыска для прохождения производственной практики. Прошу любить и жаловать и постараться приложить максимум усилий, чтобы передать ей все свои навыки и знания, — заявил генерал.

— Здравствуйте! — твердым тоном произнесла Анна, однако пунцовый румянец выдавал смущение девушки.

— Спортсменка, умница, красавица и, надеюсь, толковый следователь в будущем, — продолжал Орлов расхваливать студентку и одновременно наблюдал за реакцией Гурова и Крячко. — Ну что, господа полковники, рады такому цветку в своем сером однотонном кабинете?

Крячко был околдован яркой внешностью Анны и не сводил с нее глаз, а вот у Гурова в выражении лица не прослеживалось особого восхищения по поводу появления в кабинете девушки. Без особого стеснения Лев Иванович выдал хлесткую фразу:

— Надеюсь, этот «цветок» будет не просто растением и украшением кабинета?.. А впрочем, так даже проще.

От улыбки Орлова мгновенно не осталось и следа. Такую дерзость в своем присутствии генерал-лейтенант стерпеть не мог, но и открыто отчитывать Гурова он не собирался, уж слишком значительным был вес этого опера.

— Зайди ко мне, — бросил Орлов Гурову. — А ты, Аннушка, располагайся, знакомься, не стесняйся.

Гуров поправил и до того идеально сидящий на нем серый костюм и вышел вслед за генералом.

Лев Иванович понимал, что не сдержался, сказал лишнее, но чувствовал себя уверенно, потому как работы у него и так выше крыши, а к ней теперь еще прибавляется волокита с практиканткой.

— Петр Николаевич, прошу прощения, но я не в бирюльки играю, у меня дел — пруд пруди, нераскрытых — вагон и маленькая тележка, рук не хватает, а мне практиканток сопливых подкидывают.

— Не горячись, проходи, присаживайся, — спокойным тоном заговорил Орлов. — Чего сразу ершишься? Даже не похоже на тебя, Лева! Мне ли не знать, сколько у тебя работы, но я бы просто так тебя не потревожил. Доверяю тебе, как самому себе, поэтому и девчонку хочу в надежные руки отдать, чтобы не для галочки практику прошла, а бесценный опыт получила, понимаешь?

— Понимаю, только от этого не легче.

— Анна — талантливая девчонка, вся в отца — моего боевого товарища, которому я жизнью своей обязан. Когда-то он меня вытащил из такой передраги в Чечне, что вспоминать страшно. На своем собственном горбу меня с серьезным проникающим ранением нес по минному полю. Такое по телику не покажут. Сам с осколочными был, а не бросил. С тех самых пор я Сережке по гроб жизни...

Генерал замолчал, отвернулся к окну и незаметно смахнул слезу, ту, скупую мужскую, за которую не должно быть стыдно. Натерпелся. Гуров не ожидал такого поворота событий, он знал, что Орлов воевал в Чечне, но никогда из его уст не слышал ни слова про это, а тут такие откровения, да еще и из-за кого — из-за какой-то сопливой девчонки. Значит есть резон взять шефство над девицей.

После минутной паузы Гуров выдал:

— Не переживай, Петр Николаевич, информацию принял и понял, покажу студентке все прелести нашей профессии, только бы не сбежала. Я же тоже, когда выпускался, грезил о том, что сутки напролет буду жуликов ловить да преступления раскрывать, а оказалось, что бумажной работы чуть ли не в два раза больше, чем практической.

— Вот и ладненько, — воодушевился Орлов и потянулся рукой к бумажке на столе, — вот тебе и повод для первого боевого крещения девушки. В квартире на Патриарших прудах обнаружен труп пожилой женщины с признаками насиль-

ственной смерти. Этот труп очень ждет, когда Гуров и Крячко явятся по адресу вместе с Анной и досконально изучат, чем, а главное — кому помешала старушка. Поспешай! В квартире собрались любопытные соседки, которые так и норовят затоптать следы преступления. Бабульки утверждают, что произошло что-то весьма ценное.

— Есть поспешать!

Тем временем Анна коротала время с Крячко, который без стеснения пожирал ее глазами. Девушка не была обделена вниманием мужчин и своим хладнокровием могла без лишних слов поставить на место кого угодно, и Крячко не стал исключением.

— Студентка, значит, выпускница, — то ли спрашивал, то ли утверждал Стас.

— И студентка, и выпускница, и будущий следователь, надеюсь, если Гуров не сошлет меня практиковаться куда-нибудь в архив. Кажется, он мне не особо рад.

— Не бери в голову. Лев Иванович строгий, но отходчивый. Сразу ждать от него милости не стоит, но если будешь нам помогать, то примет в команду.

— А вы давно вместе работаете?

— Давно, некоторые столько не живут, — ухмыльнулся Крячко. — Около двадцати лет.

— А говорят, что в уголовном розыске больше пятнадцати лет не работают, слишком тяжело.

— Это слабаки столько не работают, а мы с Львом Ивановичем стойкие оловянные солдатики. Почему выбрала юридический?

— С детства мечтала стать следователем. Отец работает частным детективом, а мне всегда хотелось работать в государственной структуре, потому что больше возможностей. Очные ставки, допросы, опознания — такого частные детективы лишены.

Тут вошел Гуров, окинул взглядом присутствующих и спросил:

— Ну что, пора отправляться навстречу приключениям. На Патриарших труп. Через пару минут выдвигаемся. Если

есть особо впечатлительные — заставлять не станем, можно остаться на месте и погрузиться в изучение всяких бумажек. Как такой расклад? — взглянул полковник на Аню.

— Лев Иванович, возьмите с собой, буду тихой как мышка, вы меня даже не заметите. А бумажки я обязательно изучу в свободное от трупов время.

— Ладно, так и быть. Тогда боевая готовность — две минуты, карета уже ждет внизу.

Глава 2

Когда речь заходит о Патриарших прудах, сразу вспоминаются мистические сюжеты с участием булгаковских героев. Кажется, что прохожие здесь всматриваются в лица и пытаются узнать друг в друге Мастера, Маргариту, кота Бегемота, Азazelло, Коровьева... Меж тем это место притягивает, манит не только москвичей, гостей столицы, но и отъявленных жуликов, стремящихся поживиться чем-то смачным у зажиточных обитателей района.

Люди на Патриках живут непростые — сплошь заслуженные деятели искусств, науки или представители элиты разных поколений. И сейчас, и раньше приобретение квартиры в центре Москвы было по силам далеко не всем, поэтому даже престарелые жильцы из этого района значительно отличаются от тех, что живут на окраинах города.

Сегодня на Патриарших вместо мистики подают криминал. Машина уголовного розыска марки «Форд Фокус» была подана прямо к подъезду дома. Гуров и Крячко без спешки и суеты вышли из машины и незаметно для прохожих и зевак начали осматривать местность, так, что даже Анна не поняла, что расследование преступления уже началось. Чтобы разрядить обстановку, Гуров подкалывал практикантку:

— Ну что, Аннушка, сработало твое маслице?

— Лев Иванович, я маслицем не пользуюсь, заправляю салаты исключительно лимонным соком, — не растерялась девушка.

Крячко быстро прикинул примерное расположение квартиры: первый подъезд, четвертый этаж, угловая. Гуров в это время рассматривал содержимое урны, стоящей рядом со скамейкой.

— Лева, есть что-нибудь интересное?

— Да тут как сказать: для бомжей есть пара алюминиевых банок, для коллекционеров имеется винтажная упаковка «Беломора», а для нас — черт его знает.

— Анна, настал твой звездный час, — опять с издевкой обратился Гуров к практикантке.

Глаза девушки расширились от удивления. От неожиданного обращения она машинально сделала шаг назад: полковник недвусмысленно давал понять, что стоит выпотрошить урну. Через секунду Аня пришла в себя и подумала: «Что же ты, белоручка что ли? Как работать собираешься?»

— Я готова, Лев Иванович, — громко выпалила Анна.

— К чему? К труду и обороне? — улыбнулся Гуров, понимая, что девчонка купилась на его шутку. — Фотоаппаратом пользоваться умеешь?

— Приходилось.

— Тогда расчехляй прибор, сейчас будет фотосессия для глянцевого журнала под названием «Уголовное дело».

Полковник нырнул в багажник авто, достал сумку, вручил ее Ане и пошел дальше что-то выяснять у Крячко. Девушка аккуратно, но оперативно достала фотоаппарат и быстро разобралась, что к чему, ведь у нее была техника этой же фирмы, а она мало чем отличается друг от друга.

Первое, что сделала Аня, — проверила карту памяти, сколько осталось свободного места. Все 64 гига были заполнены. Она нажала кнопку воспроизведения, и ей открылись жуткие кадры, которые и перелистывать было страшно: обгоревшие тела, сгоревшие машины, кровь, квартира, кем-то перевернутая вверх дном. На миг ей показалось, что это не реальная съемка, а кадры из фильма ужасов, настолько впечатлял этот материал. По коже пробежала дрожь, но практикантка старалась внешне не демонстрировать испуг, потому

что понимала, Гуров может наблюдать за ней, он-то точно знает, какой должен быть эффект от увиденного.

— Я могу отформатировать карту памяти? — обратилась Аня к Гурову.

— Формировать чего? — недоумевая, переспросил Лев Иванович.

— Ну, удалить все записи с флешки могу? Совсем нет места, фотосессия может не состояться.

— А, это... Можешь, конечно. Все давно скопировано, даже распечатано и приобщено к материалам дел. Так что вперед, с чистого листа, так сказать, за новыми героями для «журналов».

— Готово.

— Вот и славно. Первая локация — двери подъезда с номером, вторая — угол дома с номером, третья — урна с мусором. Ничего не упускаем из виду, все фиксируем.

— А мусор зачем? Там все-таки что-то есть?

— Об этом история умалчивает. Твоя задача: максимум полезных действий и минимум вопросов. Идет? — оборвал Гуров Аню.

— Идет, — виновато согласилась практикантка.

— Стас, будь добр, прихвати мусор из урны и давай за нами на четвертый, уже и так задержались здесь.

— Будет сделано, Лев Иванович, мы не гордые, можем и в мусорках поковыряться. Шучу, все будет в лучшем виде, — не скрывая хорошего настроения, подыгрывал товарищу Стас.

Глава 3

Поднимаясь по лестнице, Гуров не упустил возможности проверить уровень подготовки своей подопечной. Определение «хорошая девочка» даже из уст Орлова для него равным счетом ничего не означало. Лев Иванович страсть как не любил растрачиваться на глупых людей, потому что время и собственные нервы и силы всегда были главными ресурсами в его жизни.

— Ну что, Аннушка, с чего начинать-то будем, как думаешь? Как вас там в ваших институтах сейчас учат? Может, уже мне переучиваться нужно?

— Мы учили теорию, а она, как известно, не всегда применима на практике или может отличаться, поэтому я буду руководствоваться здравым смыслом и брать пример с вас.

— О как! Мудрый ответ, а главное, и придраться не к чему, и даже лестью попахивает. Представь, меня рядом нет, и ты руководишь сейчас всем процессом расследования самостоятельно. Что бы ты сделала в первую очередь, прежде чем войти в квартиру? — поднимаясь по ступенькам, спросил Гуров.

Анна остановилась на лестничной площадке и задумалась.

— Думаю, прежде всего нужно найти понятых, чтобы вместе с ними проследовать на место происшествия. Правильно?

— Ну, уже что-то, но не совсем верно.

Анна ожидала, что сразу последует правильный ответ, но тут Гуров остановился на середине лестничного пролета и стал рассматривать стену. Ничего примечательного на ней не было. Типичный подъезд жилого дома со скромным ремонтом от управляющей компании, которая зажимает в своих карманах каждую копейку: краска и побелка. В этом доме УК даже жаднее, чем в остальных: чтобы уменьшить расход краски, она сделала площадь покрытия ниже метра от пола, так что подъезд стал больше походить на меловые пещеры, нежели на многоэтажку на Патриарших.

Гуров провел рукой по побелке, оценил свой измазанный палец и продолжил:

— Так что там, не придумала других вариантов?

— Жду ваш.

— Слушай и мотай на ус: ты должна первым делом изучить обстановку на месте, выявить вероятные пути отхода преступника и объекты, к которым он мог прикасаться, а потом уже приступать к поиску понятых, чтобы при них зафиксировать выявленное, а не ломиться сразу напрямую к трупу. Уяснила?

— Угу.

— Вот и проверим на практике, как ты усвоила материал, — заключил Гуров, остановившись у двери квартиры, в которой произошло убийство.

Аня растерялась, но не позволяла себе спешить выдавать первое, что пришло на ум. Она подумала и решительно сообщила:

— Нужен криминалист, чтобы проверить наличие следов ног на полу и рук — на входной двери, и не только.

— Здравая мысль. Будет тебе специалист-криминалист. Уже вызвал.

Глава 4

Импровизированный экзамен прервал скрип медленно открывающейся двери. В образовавшуюся узкую щель выглянула старушка и с любопытством осмотрела по очереди Гурова и Анну. Она чем-то напоминала улитку, которая осторожно изучает окружающую среду рожками и, если ей что-то не нравится, тут же ныряет в свою раковину. Обстановка, по-видимому, располагала к тому, чтобы старушка вышла из своего панциря, вернее, квартиры. На площадке появилась женщина лет восьмидесяти, невысокого роста, сутулая, в длинном плюшевом халате с арабским узором и махровых тапочках, больше походивших на мяли. Ее домашний наряд был пестрый, яркий, что, пожалуй, не сочеталось с ее кротким видом.

— Здравствуйте! Вы, по всей вероятности, по поводу случившегося? — начала женщина разговор. — Меня зовут Зинаида Филипповна Новикова, я — соседка Татьяны Николаевны.

Полковник, сделав паузу на несколько секунд, нескромно осмотрел явившееся «чудо» в фильдеперсовом одеянии и начал издали:

— День добрый, Зинаида Филипповна, а что, собственно, у вас тут произошло?

— Беда, беда у нас случилась, — прошептала старушка, — убили...

— Что вы говорите?! — удивленно в ответ прошептал Гуров. — И сыщики приезжали?

Старушка замолчала, от удивления приоткрыла рот и через мгновение пропищала:

— А разве вы не из уголовного розыска?

Гуров сжалился и успокоил женщину:

— Из него самого, только вот впредь будьте аккуратны и секреты незнакомым людям не выдавайте, мало ли чего, — подмигнул полковник Зинаиде Филипповне. — А теперь расскажите мне, чего тут стряслось?

Бабулька понимающе кивнула, будто теперь она была принята на работу тайным агентом сысского отдела, миссия которого — всесторонняя помощь в раскрытии преступления, и начала свой рассказ, все так же стараясь говорить шепотом, чтобы никто ее не услышал:

— Мы с Танечкой всегда очень дружили, всю жизнь прожили бок о бок. Бывало, что ссорились, но так, чтобы серьезно и надолго, — никогда. Представьте, я ее больше пятидесяти лет знаю... Знала... Ой... — всхлипнула Зинаида Филипповна и начала вытирать слезы.

— Успокойтесь, не волнуйтесь, постарайтесь вспомнить самое важное, как дело было, слезами горю не поможешь, — подбодрил старушку Гуров.

— Да-да, верно, не поможешь. Так вот, Танюшу я знаю еще с тех пор, как нам с моим покойным мужем дали квартиру в этом доме. Мы работали преподавателями в педагогическом университете, занимались наукой, долго жили в общности, а потом подошла наша очередь на квартиру. Не без стороннего содействия нам выделили именно эту жилплощадь, чему мы с мужем были безмерно рады. Татьяна Николаевна с супругом на тот момент уже жила здесь. О том, как они получили квартиру на Патриарших, мне неизвестно, знаю только, что отец Тани был высококлассным ювелиром, — совсем тихо произнесла последнее слово Зинаида Филипповна.

— Вот оно как, — поддерживая беседу, протянул Гуров. — А что, и вам доводилось видеть на соседке драгоценные украшения?

— Хех, само собой! — ухмыльнулась женщина. — Таких украшений, как у Татьяны, я ни у кого не видала. Вот уж действительно, в Советском Союзе все делалось на совесть, а тут — не просто качественно, а виртуозно, можно сказать. Знаю, что отец Тани — Николай Аронович — сперва окончил художественную школу, а потом перенимал опыт у ювелира, который был знаком с самим Фаберже. Этот учитель стал одним из основателей артели, которая позже переросла в ювелирную фабрику в Москве, а Николай Аронович делал уникальные вещицы в частном порядке. Талантливый был человек, такие чудесные украшения создавал. Таня любила вспоминать отца, она очень гордилась им, а бриллианты свои обожала так, что готова была нацепить на себя все самое лучшее и в таком виде отправиться в булочную. Я всегда ее остерегала, ведь вокруг столько подонков, готовых на все ради наживы, а она не слушала.

— А что за украшения, помните? — полюбопытствовал Гуров.

— Ну конечно, — поторопилась с ответом Зинаида Филипповна и покраснела. — Нет, вы не подумайте, я так, ради интереса рассматривала, никакой зависти, а тем более корыстных намерений я не имела.

— Я все понимаю, просто красивые вещи, так что там было?

— Ну, во-первых, несколько ожерелий с разными камнями. Одно — с крупными сапфирами — изумительно красивое: такая синева камней, что сложно передать, разве что с небом морозным сравнить можно. Второе — жемчужное. Классический вариант на все времена, именно его очень любила Таня, хотя вкуса, как я считаю, у соседки моей не было совершенно. На детях, известно, природа отдыхает. Разве можно дачный комбинезон сочетать с жемчужным ожерельем?.. Было еще аккуратное кольцо с изумрудами; брошь с бриллиантами и рубинами; серьги, конечно, — припоминаю пар пять, не меньше; браслеты и даже диадема, представляете!

— Сколько всего! — удивился Лев Иванович.

— Да, а что вы хотели, завидная невеста была, только вот замуж во второй раз Таня так и не вышла. Мужа, Александра Тимофеевича, похоронила двадцать лет назад, и лучше, чем покойный супруг, спутника она не нашла.

— А что же у вас тут целый вдовый дом? Мужчины имеются?

— Имеются, только все старые, как мое побитое молью пальто. Не жилая многоэтажка, а дом престарелых.

— Зинаида Филипповна, так, а сегодня что у вас произошло?

— Да-да-да, я все стараюсь обстоятельно рассказывать, мало ли, вдруг пригодится... К Танечке каждый день приезжал утром курьер — она заказывала готовую еду из ресторана. Варить супы у нее не было желания, а хорошая пенсия и приличный счет в банке позволяли завтракать, обедать и ужинать рябчиками из ресторанов. Так вот, сегодня доставщик не приехал. Я на каждый шорох, на каждый чих реагирую, не было никого утром. Я не придавала этому сначала никакого значения, а потом слышу — на площадке какая-то суета. Оказывается, Лидка выводила свою псину на прогулку и обратила внимание на то, что дверь у Татьяны открыта, а потом я услышала, как она звонит нашему участковому, Олегу Михайловичу.

— А Лидка — это кто?

— Лидия Семеновна Туманова, вот ее квартира, — старушка указала на соседнюю дверь на лестничной площадке. — Наисквернейшая особа. Завистливая, мелочная, склочница, никто ее в доме не любит. Она все в гости к Татьяне захаживала, в подруги набивалась, чтобы выпросить что-нибудь. Пенсия маленькая, платежи по квартире огромные, а дети не помогают, да и с чего бы — она ведь им раньше тоже помощи никакой не оказывала. С внуками не общается, с остальными соседями сквозь зубы разговаривает. Тьфу, даже говорить о ней не хочу.

— Так это Лидия Семеновна обнаружила труп?

— Она. Меня рядом не было, больше ничего про это сказать не могу.

В это время послышался сильный топот снизу, будто целый табор разом поднимался по лестнице.

— Вот тебе, Лев Иванович, специалист-криминалист, понятые, участковый и я собственной персоной, — доложил Крячко.

Зинаида Филипповна попятилась в свою квартиру, будто и не было вовсе никакого разговора до этого. Гуров приказал эксперту приступать к работе, а сам отправился в логово скверного человека — Лидии Семеновны Тумановой.

Глава 5

Дверь открыла вовсе не мегера или вурдалак, а довольно приятно пожилая женщина лет семидесяти. Выглядела она опрятно: волосы собраны в тугий пучок, одежда скромная, чистая и подчеркнута строгая — светлая блузка с ажурным воротником и длинная черная юбка. Гурову эта женщина напомнила героиню фильма про аристократов, оказавшихся в нищете, но из последних сил старающихся выглядеть достойно.

— Здравствуйте, позвольте представиться, я — старший оперативный уполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России, полковник Гуров Лев Иванович. Мне нужно задать вам несколько вопросов, вы не против?

— Здравствуйте, да, конечно, задавайте. Даже если бы я была против, разве это вас остановило бы? — вдруг пошла в наступление «милая» старушка.

Гуров немного растерялся, он не ожидал такого ответа и даже сменил тон:

— Заставить я вас не могу, это не допрос, а просто беседа, опрос граждан, так сказать, и смею напомнить, что есть статья пятьдесят первая Конституции РФ, согласно которой вы имеете полное право не свидетельствовать против себя, супруга и своих близких. Выбор ваш, не смею настаивать. — Гуров собрался уж было уходить.

— Нет-нет, постойте, я не это имела в виду. Просто иногда я неправильно выражаю свои мысли, и многие считают меня грубой и злой.

«Да весь дом!» — подумал Гуров, но терпеливо смотрел на Туманову.

— Ближе к делу: да, это я обнаружила тело Татьяны. До сих пор не могу прийти в себя от увиденного, — театрально приложила длинные пальцы к вискам Туманова. — Утром, часов в восемь, вышла на прогулку с собакой. Спешила, по сторонам даже не смотрела, а обратно возвращалась и увидела, что дверь не заперта. Я осторожно приоткрыла и окликнула Таню, но она не ответила. Тогда я заглянула внутрь квартиры, а потом прошла в спальню, где Татьяна Николаевна обычно сидела за журнальным столиком, а там... А там ее тело с пробитой головой и застывшей лужей крови. Ужасное зрелище. Сразу позвонила участковому, потому что медиков вызывать уже было бессмысленно.

— А почему участковому, а не в полицию?

— Мы с ним часто общаемся, я ему спуску не даю, пусть работает, а не прохлаждается.

Туманова замолчала и опустила глаза, давая понять, что разговор окончен и больше откровений от нее ждать не стоит. У Гурова были еще вопросы, но злоупотреблять он не стал, оставив на потом выяснение деталей.

Глава 6

— Ну что, Лев Иванович, пальчики откатал, милости прошу в дом, — с привычной для него самого фамильярностью обратился к Гурову эксперт-криминалист.

Гуров вошел в квартиру... С первых шагов Лев Иванович понял, что преступник не зря выбрал эту жертву, здесь было чем поживиться. Просторные комнаты оказались буквально забиты от пола и до потолка разными предметами антиквариата. Здесь и картины, и старинная мебель, и вазы — все, к чему не прикоснешься, стоит баснословных денег, это даже простому человеку, ничего не смыслящему в предметах ста-

рины, было ясно. Только вот все эти раритетные штуковины четко располагались на своих местах, не было ничего, что выдавало бы опустевшее пространство. Гуров проследовал в угловую комнату, где находилась спальня хозяйки, которая по внешнему виду напоминала будуар. Как-то сыщику доводилось бывать на спектакле по пьесе Островского «Невольницы», в нем играла его жена, так вот там декорации были точь-в-точь как у владелицы этой квартиры.

Интерьер в стиле ренессанс, безусловно, был ярок и наряден. Стиль прослеживался в дорогой отделке мебели из массива, в тяжелых шторах с витиеватым вензелевым рисунком золотой нитью, огромном персидском ковре на полу. Убитая женщина находилась в центре комнаты под светом хрустальной люстры с канделябрами.

— Ну что, Стас, приступаем?

— Так точно, Лев Иванович, — ответил Крячко, поудобнее устраиваясь на пуфе рядом с журнальным столиком.

— Об обстоятельствах происшествия со слов соседки из тридцать восьмой квартиры, Зинаиды Филипповны Новиковой, известно...

— Ого, когда это вы успели? — прервал Гурова Стас.

— Пока ты там с помойкой разбирался, можно было бы уже преступника найти по горячим следам. Оставь место, впишу потом то, что узнал.

— Ну, во дела... Я пропустил самое интересное, у меня теперь не сойдутся пазлы, Лев Иванович, да я теперь спать спокойно не буду, — абсолютно равнодушно к лежащему рядом труп и даже с иронией проговорил Крячко.

— Так оно и лучше, будешь, так сказать, объективно смотреть на ситуацию, авось что-то дельное сможешь предложить по расследованию. Фиксируй: убитая — Татьяна Николаевна Фельцман. Как говорят соседи, проживала одна, была довольно обеспеченной дамой. Примерное время обнаружения трупа — 8.15.

Тут Гуров услышал звук затвора фотоаппарата и взглянул на Анну. Как опытный опер, он понимал, что новичку непросто в этот момент, ведь когда-то он и сам был молод

и зелен и чуть не упал в обморок при виде трупа. Аня стояла в сторонке и ответственно выполняла порученное задание. Девушка впервые видела убитого человека так близко. Она старалась даже не дышать, настолько ее впечатлила картина, представшая ее глазам. В какой-то момент практикантке даже стало плохо, но сказать об этом, а тем более выйти из квартиры, она не захотела.

— При осмотре установлено, — продолжил Гуров, — место происшествия представляет собой жилую комнату десять на восемь метров с высотой потолка три метра. Стены отделаны тканевыми обоями бордового цвета с золотым тиснением. В спальне имеются два окна, расположенные на двух смежных стенах, оба плотно закрыты ночными шторами темно-коричневого цвета. Рамы окон деревянные, без следов взлома. Подоконники покрывает небольшой слой пыли, следы пальцев рук не обнаружены. Между окнами в углу стоит деревянная двуспальная кровать с резным изголовьем. Изголовье примыкает к стене с окном, выходящим во двор соседнего дома. Рядом на полу прикроватный коврик. На противоположной от кровати стене размещаются в шахматном порядке картины в количестве шести штук. На двух из них изображен летний пейзаж, три картины — с цветами, и одна из них — портрет молодой женщины, предположительно, самой покойной. Под стеной с картинами в углу стоит кресло с мягкой тканевой обивкой светло-зеленого оттенка. Такое же кресло находится в центре комнаты, рядом с деревянным журнальным столиком, оно имеет пятна бурого цвета, похожие на кровь. Под портретом женщины расположен торшер с металлическим кованым основанием и текстильным абажуром. Рядом стоит напольная ваза, расписанная в китайском стиле. Слева от входной двери стоит металлическая скульптура в виде птицы. Пол покрывает ковер бежевого цвета со следами крови в центре. Пятно полузастывшей крови размером шестьдесят на тридцать сантиметров. Справа от входной двери расположен книжный шкаф со стеклянными дверцами. Книги размещаются на пяти полках, вплотную друг к другу. На переднем плане стоят фарфоровые фигурки кукол в коли-

честве двадцати пяти штук, а также фигурки слонов из слоновой кости в количестве семи штук. В зазоре между шкафом и стеной находится сейф с кодовым замком. Дверца сейфа открыта. Сейф пуст.

Анна слушала, как быстро и четко перечисляет увиденное Гуров и в то же время как сухо описывает он предметы богатого интерьера, которые достойны быть экспонатами в музее. Ведь это непростые вещи, которые можно найти на блошином рынке, это старина, которую хозяйка квартиры или ее отец скрупулезно собирали долгое время и, возможно, привозили из разных стран. Аня это воспринимала через призму событий, недавно произошедших в ее жизни, точнее сказать, в жизни ее отца. Дело в том, что тот по заданию клиентки пытался отыскать картину. Ревнивый муж решил отомстить жене за измены и тайно продал ее любимую картину, которая была весьма ценна не только как предмет искусства, но и как дорогая сердцу любвеобильной женщины вещь. Картину нашли с большим трудом, еще большего труда теперь стоит вернуть ее обратно, но это уже не входит в задачу частного детектива. А тут сухие определения таких изысканных вещей, с усердием собранных в одной квартире.

— Осмотр трупа, — вдруг громко сказал Гуров, прервав размышления Анны. — Труп расположен лицом вверх, головой к журнальному столику на расстоянии полутора метров от него, ноги направлены к стене с картинами, руки вытянуты вдоль туловища. На покойной надето длинное бархатное платье темно-синего цвета с запахом. Сзади платье обильно пропитано кровью. Седые волосы собраны в пучок и пропитаны кровью. В затылочной части головы в области теменного бугра обнаружена единственная глубокая рана с нарушением целостности кости, направленная сверху вниз.

— Тупым предметом нанесено, — вмешался Стас в повествование Гурова. — Что-то небольшое, но довольно тяжелое, то, чего тут, в комнате, нет.

Анна уже не слышала Крячко. У нее появилось тянущее ощущение в области желудка, обильное слюноотделение, головокружение, и она, шатаясь, выбежала из комнаты.

— И так долго продержалась, — прокомментировал Крячко реакцию практикантки на происходящее.

— Да, но показатели лучше, чем у меня молодого. Я сразу сдуся, как только парашютиста увидел. Как сейчас помню материалы того дела: с пятнадцатого этажа за долги мужика сбросили. Представляешь ту кашу на асфальте? И мне тогда, попрошу заметить, никто содействие и поддержку не оказывал, фотоаппарат для отвлечения и развлечения никто не давал. Еще и повреждения описать заставили. А какие тут повреждения, когда к горлу ком подступает. Эх, было время... Это сейчас мы, Стас, очерствели и бутерброд можем стрескать на месте, — подмигнул Гуров Крячко.

— Издеваешься, аппетит разыгрываешь, — усмехнулся Стас.

— Ну и все, значит, скажу Орлову, что адаптация новенькой будет проходить в тесном кругу сотрудников канцелярии. А что, тоже нужное дело. Почитает, попредставляет, а потом уже, так сказать, на основе нафантазированного напишет отчет по практике.

Спустя тридцать минут Аня вернулась в комнату. Пунцовый румянец выдавал ее недавние метаморфозы в организме и невероятное смущение:

— Я в строю, — тихо сказала девушка в ответ на вопрошающий взгляд своего куратора.

— Славно, только мы уже завершаем осмотр, — надменно бросил в ответ Гуров.

Глава 7

В комнате наблюдалась некоторая суэта: труп готовили к отправке в морг, Крячко что-то усердно дописывал, не отрываясь от бумаги, Гуров ходил из стороны в сторону. Изымали последние вещественные доказательства: кто-то из помощников эксперта делал соскобы пятен, похожих на кровь, кто-то паковал в полиэтиленовый пакет какой-то волос непонятного происхождения. Во время этого броуновского движения была задействована дверь в спальню. Ее активно

толкали туда-сюда, поскольку за ней эксперт-криминалист расположил один из своих чемоданчиков с разными принадлежностями и приспособлениями.

Аня с поникшим взглядом стояла рядом с этой дверью и уже не надеялась на снисхождение к себе. Она испытывала и досаду, и обиду, и в то же время понимала, что провалила очень ответственный и такой важный экзамен. Место рядом с выходом и люди, постоянно толкающие ее с просьбой отойти, посторониться, как бы намекали, что она сегодня лишняя в этом процессе, то самое слабое звено. И вдруг практикантка обратила внимание на скрежет, который доставлял ей некоторый дискомфорт. Не то чтобы все остальное было комфортным и приятным, но этот звук особенно резал уши. Девушка забыла о том, что обещала Гурову быть серой мышкой, и сначала опустила на колени, а потом и вовсе практически легла на пол.

На мгновение все замерли и повернулись в сторону Анны, ее неестественная поза обращала на себя внимание, и процесс сборов приостановился. Ошибки не было — звук шел именно оттуда, из-под двери. Там оказался крупный красный камень, который по размеру был настолько большим, что прекрасно размещался в просвете между полом и дверью и одной из своих граней цеплял поверхности, издавая тот неприятный скрежет, который заметила только девушка.

— А вот вам еще один вешдок, — голосом победителя сообщила практикантка.

— Только не бери в руки! — бросился со всех ног и упал на пол Гуров.

Аня и не собиралась доставать этот камень, она все прекрасно осознавала, что на нем могут быть отпечатки пальцев убийцы, это и без университетов было понятно. Девушка испытывала ликование: она и никто другой, только она смогла найти этот ценнейший предмет. Он мог совершенно не пригодиться в дальнейшем, но в данный момент времени он принес ей успех и одобрение Гурова, а также реабилитировал ее в собственных глазах.

Осторожно, с помощью пинцета, Лев Иванович извлек камень. Это был потрясающей красоты рубин. Аккуратно, едва дыша, он передал находку эксперту и подошел к Крячко.

— А она небезнадежна, — шепнул он на ухо Стасу. — Пожалуй, толк будет. Берем.

— Благодарю за помощь, Аннушка. Пришло и твое время собирать камни. Не робей, всему научим, — лукаво подмигнул девушке Гуров.

Анна расплылась в улыбке — о большем в этот первый день практики ей и мечтать не приходилось. У нее было огромное желание позвонить отцу и рассказать о том, какие приключения с ней происходят, но свободной минуты не предвиделось. В комнате появилось новое лицо — внучка покойной.

Глава 8

На пороге возникла молодая женщина лет тридцати, совершенно непривлекательная, в каком-то сером одеянии, дополнительно обезличивающем и без того заурядную внешность, в очках, которые постоянно опускались на кончик носа и требовали возвращения на прежнее место. Ее сопровождал участковый, который и сообщил Гурову о том, что это Жанна Вайцеховская — внучка Татьяны Николаевны Фельцман.

Так получилось, что, войдя в спальню, Жанна остановилась и оказалась плечом к плечу с Аней. Они были одного роста, но в остальном девушки настолько отличались, что напоминали одну из тех картинок в рекламе, когда показывают результат «до и после». Жанна рядом смотрелась бледно, невзрачно и проигрывала Анне своим тусклым образом.

Чарующая и такая изысканная красота практикантки недаром покорила Крячко с первого взгляда. Балагур и весельчак буквально потерял дар речи при знакомстве с нею. Невозможно было выделить у Анны какую-то изюминку, она состояла из одних только достоинств, бывает же так, что человек не просто красив, а потрясающе красив от при-

роды. Однако нужно отметить, что Аня умела подчеркнуть природные данные антуражем. Великолепный вкус и материальная поддержка отца позволяли Аннушке одеваться изысканно. Модная одежда, дорогая сумочка, туфли известной марки — все это не ускользнуло от внимательных глаз Гурова. Жена научила его разбираться в дамских штучках, поскольку немалая часть средств из семейного бюджета утекала именно на гардероб, а также на косметологические процедуры, маникюр и педикюр. Гуров был не против таких растрат, он и сам любил выглядеть с иголки и сводить с ума женщин терпкими нотками своего люксового парфюма.

— Прошу вас, подойдите ближе, — прервал Гуров тишину в комнате, обратившись к Жанне. — Кем доводится вам гражданка Фельцман?

— Это моя... Бабушка моя... Бабуля, — едва слышно прошептала Жанна и одновременно смахнула слезу и подвинула к переносице очки.

Было заметно, что Жанна волнуется, но ее максимально сдержанная реакция даже немного удивила присутствующих. Молодая женщина стояла неподвижно на одном месте и будто бы боролась со своими эмоциями. Прошло десять минут, и за это время не произошло ровным счетом ничего. Внучка убитой стояла и рассматривала лежащий перед ней труп бабушки, не задавая вопросов.

— Унесите, — скомандовал Гуров, — а родственницу покойной попрошу пройти на кухню.

Жанна покорно пошла за Гуровым, все так же не поднимая глаз. Анна хвостиком побрела за остальными, чтобы не пропустить что-либо интересное.

— Представьтесь, пожалуйста. Назовите свое полное имя, а также сколько вам лет и кем вы доводитеесь покойной, — начал беседу Гуров.

— Жанна Валентиновна Вайцеховская, тридцать один год, внучка Татьяны Николаевны, — робко ответила молодая женщина.

— Как и когда вам стало известно о произошедшем?

— Мне позвонила соседка бабушки — Зинаида Филипповна, — сказала и замолчала Жанна.

— Дальше... — поторопил Гуров.

— Она сказала, что бабушку убили, — выдавила из себя Жанна и снова затихла.

— Продолжайте, продолжайте, — подбодрил молодую женщину Гуров.

— Я сначала не поверила, подумала, что это какая-то злая шутка, — проговорила Жанна и вновь остановилась.

— А дальше-то что было? — не выдержав, спросил рядом стоящий Крячко.

Гуров бросил недовольный взгляд на Стаса, намекая на его несдержанность.

— Потом позвонил участковый и подтвердил смерть бабушки. Я выбежала из дома, поймала на улице такси и по дороге сюда попала в жуткую пробку, — совсем тихо пробормотала внучка хозяйки квартиры.

Было заметно, что Жанна очень напряжена, ее беспокоят незнакомые люди рядом и вся ситуация в целом. Родственники убитых, коих Гуров с Крячко повидали немало, так себя не ведут. Кто-то беспрерывно плачет и не может вымолвить ни слова первые минуты, кто-то, напротив, строит свои версии произошедшего и с ходу выдает перечень лиц, которые могли бы, по их мнению, совершить преступление. У Жанны была некоторая заторможенность. Она отвечала на вопросы, но вяло и как-то нехотя. Такая медлительность раздражала Стаса, и Гуров, оценив всю сложность ситуации, понимая, что скоростью тут правды не добьешься, вызвал Крячко выйти в коридор на пару слов.

— Ну ты чего? — недовольно спросил Гуров товарища. — Чего торопишься?

— А чего тянуть кота за хвост, Лева? Ты же сам видишь, что она — ни рыба ни мясо.

— Это тебе не закоренелых жуликов колоть. Я вижу, что ты тоже заметил странности в поведении, но тут какой-то иной подход нужен. Психология, брат, психология, понимаешь?

— Подумаешь, цаца. Надавить малость, и речи ручьями польются. Ты видел, какая серость эта Жанна?.. Бабуля — миллионерша, а эта — как нищенка с паперти. Не будет сюрпризом, если окажется, что эта серая мышь и грохнула свою бабу, а потом пришла на место преступления посмотреть на результат своей работы.

— Твои выводы поспешны и необдуманны. Стас, я тебя не узнаю, — укорил Гуров Крячко.

Лев Иванович действительно считал, что не стоит торопиться, но в голове у него были те же мысли, что и у Крячко, ведь не даром столько лет они работают бок о бок. Только вот Стас все свои догадки никогда не мог держать при себе, а Гуров всегда отличался сдержанностью, принимал только взвешенные решения, поэтому и слыл среди коллег одним из самых лучших сыщиков Москвы.

— Стас, убирай лишних людей с «поля боя» и возвращайся на кухню, — охладил тон беседы Гуров.

— Будет сделано, — подчинился Стас, как бы соглашаясь со своими ошибками.

Глава 9

Когда покойную увезли, а из квартиры удалились сотрудники, честно и добросовестно выполнившие свои обязанности, воцарилась тишина. Оставшаяся небольшая группа людей сосредоточилась на кухне, где Гуров продолжил беседу с Жанной:

— Расскажите о своей бабушке, о ее жизни. Возможно, вам известно, что пропало из квартиры?

— Да, известно, — опять занервничала Жанна и посмотрела Гурову прямо в глаза.

Это было короткое мгновение, когда с Вайцеховской впервые был установлен зрительный контакт. Потом вдруг молодая женщина быстро опустила глаза. Гуров наблюдал за всеми движениями Жанны, она была сама не своя. С одной стороны, казалось бы, ее можно понять, ведь у нее умерла родственница, но с другой — поведение выдавало все больше и больше странностей. Лев Иванович, продолжая разговор,

встал со стула и заходил по кухне. Тем временем он заметил одну очень важную вещь: Жанна сидела ровно и то и дело скручивала и раскручивала край скатерти, свисавший со стола. Она скручивала край скатерти так плотно, что получалась трубочка. Эта трубочка что-то напоминала полковнику, но он никак не мог понять, что именно.

Опять установилось молчание. Тогда Гуров подошел к окну и, стараясь разрядить обстановку, сказал:

— Красиво тут у вас. И у бабули вашей тоже красиво, любила она красоту, верно?

— Да, верно, — подхватила Жанна. — Она всегда любила все самое красивое и яркое, и я тоже люблю, это у нас от прадеда, он был замечательным человеком.

— А не он ли нарисовал портрет вашей бабушки в молодости, тот, что висит в спальне?

— Да, он, а как вы догадались? — воодушевилась Жанна.

Гуров не ответил, но по его молчанию молодая женщина поняла, что сыщик многое знает наперед. Полковник смог расположить к себе Жанну, нашел тот самый ключик, и она наконец-то начала выдавать долгожданную информацию.

— Прадед был ювелиром, но сначала он окончил художественную школу, иногда рисовал. Здесь, в квартире, есть несколько его картин, в том числе и портрет, который вы заметили. Бабушка на нем совсем молодая, ей всего лет пятнадцать-шестнадцать. Николая Ароновича все уважали, он прожил хорошую, долгую жизнь и умер в девяносто три года, в отличие от бабули.

— А чем же была плоха жизнь бабули?

— Нет, я не это хотела сказать, просто вот как случилось, видите, — пояснила Жанна, имея в виду внезапную кончину Татьяны Николаевны.

— А Николай Аронович, ваш прадед, был искусным мастером, имел дело с драгоценными камнями? — продвигая дальше беседу, спросил Гуров.

— Ну естественно, в его золотых руках побывали самые крупные самоцветы нашей страны, он делал огранку лучших алмазов, я уж не говорю о золоте и серебре.

— А как попадали в его руки эти ценности, по каким-таким каналам?

— Этого я точно не знаю, вот только известно мне, что он настолько был хорош в своем деле, что его заказчики платили ему этими камнями. А теперь его работы в лапах убийцы.

— Может быть, пройдем в спальню, где как раз и поработал этот негодяй?

— Как скажете.

Жанна вновь переступила порог комнаты, в которой произошло убийство, и столкнулась глазами с огромным кровавым пятном на ковре. Гуров понимал, что снова может потерять контакт с молодой женщиной, и начал издали:

— Как же здесь много предметов искусства, эти пейзажи, великолепный портрет, а потрясающий торшер с бархатным абажуром!

Анна, услышав столь хвалебные оды в адрес интерьера, немного опешила, ведь совсем недавно из уст Гурова исходили сухие формулировки: картины и статуэтки описывались исключительно по количеству, а торшер был не потрясающим, а самым обыкновенным с текстильным, а не бархатным абажуром.

— Да, вы правы, в этой квартире каждая вещица имеет свою историю. Взять хотя бы эту антикварную скульптуру павлина. — Жанна плавно указала налево.

Анна припомнила: «Ага, она же, по словам полковника, — скульптура металлическая в виде птицы».

— Так-так, и что с ней? — внимательно слушал Лев Иванович.

— Это бронзовая скульптура-шкатулка. Ее прадед получил в награду за то, что правильно обработал один крупный алмаз, который в процессе огранки не раскололся на множество маленьких частей, как часто бывает, а потому камень не потерял свою стоимость. «Павлин» был очень дорог Николаю Ароновичу. Это японская вещица конца восемнадцатого века. По всей вероятности, в те времена, когда прадеду подарили эту скульптуру, она не была столь ценной, как сейчас. В наше время антиквары гоняются за такими штуками. Или

вот, хотя бы взять эти многочисленные статуэтки на полках, они стоят целое состояние, но все они были дишь памятными вещами, подарками разных знаменитых людей нашего города из того, прошлого поколения. Никто и не думал их выставлять на продажу.

Тут Жанна перевела взгляд на открытый сейф и опять побледнела.

— А что же украшения? — продолжил Гуров, продвигая рассказ к самому интересному моменту.

— Меня никогда не интересовали эти украшения, но бабушка их очень любила.

Жанна резко отвернулась и села на пуф, где недавно вольготно располагался Крячко. На журнальном столике, стоящем рядом, были фотографии покойной в рамках, вчерашняя газета, чашка недопитого чая и салфетница в виде лебедя. Вайцеховская взяла одну салфетку и по старой привычке, подмеченной Гуровым, начала скручивать ее в трубочку. Молодая женщина опять нервничала.

— Бабуля всегда старалась хорошо выглядеть. Каждый день начинался у нее с того, что она приводила себя в порядок, словно собиралась в театр или на выставку. Даже отправляясь на дачу, она пудрила себе щеки и лоб и красила губы красной помадой. Что уж говорить, и драгоценности всегда были на ней.

— И вы можете описать все ее многочисленные бриллианты и алмазы?

— Конечно, даже показать некоторые смогу.

— Это как?

— В наших семейных альбомах осталось много фотографий, где бабушка красуется в разных побрякушках, большинство из них вы сможете рассмотреть там на ней.

Гуров заметил, с каким пренебрежением Жанна говорит о драгоценностях. Он не понимал, как человек одновременно может восторгаться работами прадеда и предметами антиквариата в квартире и при этом с таким безразличием и даже брезгливостью говорить об украшениях бабушки. Что-то не клеилось у полковника, но чуйка работала, как всегда, отлично.

— Вот и славно, что у нас будут фотографии. Значит, скоро встретимся с вами снова. А расскажите о последней встрече с вашей бабушкой, может, она подозревала что-то, или в ее поведении вы заметили какие-то изменения? Давно вы видели Татьяну Николаевну? — Гуров старался узнать как можно больше информации.

— Около недели назад была здесь. Ничего примечательного — обычная встреча. Выпили по чашке чая с тортом, поговорили о жизни, пригласили ее с Вадимом на нашу свадьбу, и все.

— То есть вы были с кем-то?

— Да, Вадим — мой жених. Они были уже знакомы с бабулей, он ей очень понравился, она одобрила мой выбор и наш союз. Еще бы он ей не понравился — красивый, стройный, обходительный и подает большие надежды как артист. У него очень тонкая душа, он такой ранимый, — романтично и даже с дрожью в голосе произнесла, очевидно, по уши влюбленная в жениха Жанна.

Гуров, понимая, что молодая женщина раскрепостилась и теперь готова к любым вопросам, воспользовался этой возможностью, причем задавал он их вразнобой, чтобы молодая особа не смогла предугадать ход дальнейших мыслей полковника:

— Жанна, взгляните на комнату еще раз, среди привычного порядка вещей нет ли того, что привлекает ваше внимание, может быть, пропало еще что-то, кроме украшений из сейфа?

— Нет, вроде бы все на своих местах, — охватила взглядом помещение молодая женщина.

— Вспомните, не заводила ли Татьяна Николаевна новых знакомств в последнее время и кто чаще всего бывал у нее в квартире?

— О новых знакомствах я не знаю, но вряд ли заводила, ведь ее маршрут в основном был до ближайшего магазина и на дачу, и в обоих случаях она передвигалась на такси, потому что болели ноги. А чаще всего у нее бывали соседки — Зинаида Филипповна из тридцать восьмой квартиры и Лидия Семеновна из тридцать девятой. Лидия Семеновна

частенько получала от бабушки презенты, она ее почему-то всегда жалела.

— А что же это были за подарки?

— Ерунда всякая. Что могут дарить друг другу пенсионерки? В основном — из одежды и продуктов что-нибудь.

— А не было ли зависти у Лидии Семеновны к убитой, как вы считаете?

— Вы что, подозреваете эту старушку? Ну не знаю... Она мне, конечно, никогда не нравилась, но соседей не выбирают, тем более это бабушкина подруга, а не моя. Мне всегда казалось, что она использует бабулю в своих корыстных целях, но я не придавала этому особого значения. У бабушки было достаточно средств, чтобы жить достойно самой и помогать окружающим.

— А вам Татьяна Николаевна помогала?

— Мне? Я взрослый человек, в помощи не нуждаюсь, — опять опустила глаза Жанна, потянулась за новой салфеткой, и пальцы молодой женщины стали ее скручивать. — Стоп, здесь на журнальном столике всегда стояла фарфоровая статуэтка «Юдифь». Сейчас ее нет. Пропала...

— А что это за статуэтка, как она выглядела, описать сможете?

— Конечно! А помните, в советское время очень были распространены репродукции «Юдифь», там изображена женщина с мечом, та самая «Юдифь», которая сначала соблазнила, а потом убила мужчину, отсекала ему голову. Довольно страшная история и коварная женщина, хотя она и действовала из чувства мести, во имя справедливости. Этот мужчина был полководцем, он уничтожил все посевы и мужское население, а женщина отомстила ему таким изощренным способом. Это библейский сюжет, между прочим. Так вот, статуэтка представляла собой женщину с мечом. Сама скульптура сделана из фарфора, а меч — бронзовый. Восемнадцатый век, тоже предмет старины и довольно ценный. А мне никогда не нравилась эта «Юдифь», всегда считала ее злом и просила бабушку убрать подальше, вынести из спальни.

— А какое основание было у статуэтки?

— Она была крупной, тяжелой, несмотря на то что фигурка казалась воздушной, все из-за основания, оно цилиндрической формы и очень массивное, даже не знаю, из какого материала.

— Как хорошо вы умеете описывать предметы! — искренне удивился Гуров.

— Просто эти предметы у меня перед глазами с самого детства, и историю появления каждой вещи мне рассказывали не единожды, тут даже двоичник запомнит.

— Может, вы и этот предмет тоже узнаете? — вспомнил Гуров о находке Анны и достал из чемодана упакованный в пакет камень.

— О, откуда это у вас? Узнаю, конечно! Это рубин — весьма и весьма ценная вещица, потому что он очень крупный. Обычно считается, что рубины больших размеров, как правило, подделка, но в данном случае прадед имел дело с великолепным камнем. Сейчас выращивают рубины искусственно, а тогда это был настоящий шедевр. Этот рубин был частью композиции, частью букета из камней в броши. Где теперь эта брошь? — задумчиво сказала Жанна и загрустила. — Ведь это была семейная ценность, реликвия.

— Спасибо вам большое, Жанна Валентиновна, вы очень помогли следствию. В целях скорейшего раскрытия жестокого убийства вашей бабушки прошу вас сохранять всю полученную информацию в тайне и в ближайшее время жду вас у себя в кабинете с фотографиями украденных драгоценностей. Если вдруг что-то вспомните, позвоните по этому номеру, — вручил полковник карточку с телефонным номером Жанне.

— А как же квартира?

— Не беспокойтесь, все будет как в музее, мы ее опечатаем и оформим в качестве объекта охраны.

Жанна последний раз осмотрела комнату, сунула в карман скрученные салфетки и ушла. В квартире остались трое: Гуров, Крячко и Анна. Воцарилась тишина... Думали об одном, но каждый по-своему.

— Ну что, дамы и господа, каковы впечатления? Есть ли светлые мысли в ваших головах? В каком направлении будем двигаться? — стал задавать вопросы Гуров.

— У меня все смешалось, мне нужно сделать паузу и хорошенько подумать, — призналась Аня.

— Я тоже пас, я всей информацией не владею. Это ты тут с аборигенами секретничал, а я, как ты выразился, в помойках копался, — припомнил Гурову Стас.

— Ты что, шуток моих не научился понимать за наши сто лет службы и дружбы? Стас, ты меня сегодня удивляешь! Не Аннушка ли, часом, на тебя так повлияла? — подначил Лев Иванович, заметивший нескромные взгляды Крячко в сторону практикантки. — А ты, Аннушка, подливай маслице, подливай. У моего сослуживца как раз напряженные отношения с женой. Не стена же она, в конце-то концов...

Стас был смущен и даже не мог ничего сказать в ответ. Анна, как подобает холодной роковой женщине, ничуть не обиделась на этот выпад в ее сторону. Она привыкла быть центром внимания, и все, что касалось личной жизни, оставалось только ее территорией, что сочеталось с главным принципом: ваши симпатии — есть ваши собственные проблемы. В планы Анны совершенно не входило крутить романы и кого-то уводить из семьи, куда важнее для нее было узнать, кто убил старушку. Гуров, кстати, позицию практикантки понял сразу же, но подшучивать в этой плоскости над Стасом ему никто не запрещал.

Выходя из дома, где произошло преступление, Лев Иванович вновь осмотрел территорию, строя свою, только ему известную, версию событий. Все уже сидели в машине, как вдруг Гуров открыл багажник, взял пакет и поспешил к урне с мусором. Он опять решил, что нужно опустошить ее содержимое, что удивило всех присутствующих.

— Лева, это уже прямо фетиш какой-то, раньше не замечал у тебя такой любви к мусорным бакам, — выкрикнул Крячко в окно автомобиля. — Поехали уже, нас ждут великие дела!

Глава 10

Вторая половина дня у оперов выдалась на удивление спокойной. Было время поразмыслить над планом расследования убийства Татьяны Фельцман. Гуров, Крячко и Анна переместились в стены рабочего кабинета и уже там в облаках густого табачного дыма рассуждали о том, кто может быть убийцей. Аня не курила, более того, она ранее даже не переносила запах сигарет, но сегодня она его не замечала, настолько девушка была вовлечена в процесс обсуждения круга подозреваемых по делу об убийстве. Аня не озвучивала свои мысли, она просто слушала, ведь на ее глазах гении сыска раскрывали профессиональные секреты — методы работы.

— Если это посторонний человек, который просто приметил Фельцман на улице и положил глаз на ее украшения, то у нас очень маленькие шансы его найти, — предположил Стас.

— Чего это? Будто раньше мы подобных жуликов не ловили. Такого даже проще, Стас, поймать. Такой делец может с ходу отнести улов в ближайший ломбард, даже не подозревая, что вещички уникальные. Там его и сцапать можно было бы. Или найти по описанию оценщика. Но я тебя успокою, здесь речь идет не о постороннем человеке.

— Почему ты так в этом уверен?

— Элементарно, Ватсон! Старушка открыла дверь самостоятельно, замок был абсолютно цел, а значит, человек по ту сторону двери был ей знаком. Тебе, видимо, Аннушка совсем голову запудрила, Стас, это даже как-то странно — слышать от тебя подобные вопросы, — на сей раз серьезно сказал Гуров.

— Никто мне ничего не пудрил, что ты начинаешь, Лева?! И я все-таки скажу нашим ребятам, чтобы прошерстили все ломбарды и комиссионки в округе, мало ли, может, работает.

— Скажи, но я сомневаюсь в положительном исходе этой затеи. Преступник пришел с конкретной целью, забрал только украшения, ничего, кроме них, и не оставил никаких сле-

дов. Нет ни следов обуви, ни отпечатков пальцев рук, нет ничего...

— Пока... Пока ничего нет. Ведь мы еще не видели заключения эксперта, там может вскрыться масса всего интересного, ты же знаешь, Лев. Кроме того, смею напомнить, что вместе с украшениями жулик прихватил с собой статуэтку, а она, как подсказывает мне интуиция, была задействована в убийстве. Череп старушке пробили именно чем-то тяжелым, но небольшим по размерам. По описанию статуэтка очень походит на орудие преступления. И что же получается? Преступник так готовился, так готовился, что даже не принес с собой орудие убийства? Не верю...

— Да, ты прав, — согласился Гуров и устался в одну точку на своем столе. — Но все равно я считаю, что жертва была знакома с убийцей. Она открыла ему дверь и получила по голове не сразу в коридоре, а уже в спальне, значит, в спальню она его провела совершенно спокойно, не подозревая, что с ней может случиться что-то страшное. В коридоре тоже хватает разных шуток, которыми можно было бы пробить черепушку, и при этом сделать это легко смог бы не только мужчина, но и женщина.

— На что ты намекаешь, Лева, на мою первую версию, на Жанну, да?

— Никаких намеков, только голые факты, — сказал Гуров, и глаза его как-то по-особенному заблестели. — Неси пакеты с мусором.

— Что, опять? Мне уже осточертело ковыряться в помойках, — сказал Крячко, но тем не менее поплелся в коридор.

Гуров молча ходил по кабинету. Анна не прерывала его мыслительный процесс, а лишь тихо и восторженно наблюдала за происходящим, так, словно смотрела детективный сериал.

— Вот, держи. Это первый — мой, а вот второй, тот, что ты собирал. А что, можно на полставки устроиться мусорщиками на Патрики. С нашей зарплатой — годится.

Гуров лихо опрокинул оба пакета на пол, посмотрел на содержимое, гордо поднял голову, отвернулся и отошел к окну.

— Твоя кучка меньше, — заметил, улыбаясь, Крячко.

— Меньше, но и в одной, и в другой куче мусора есть то, что их объединяет. Посмотрите внимательно, — обратился полковник к присутствующим.

Анна и Крячко активно начали рассматривать мусор, забыв о всяком отвращении.

— Что видишь, Аннушка?

— То, что обычно бывает в городских урнах: гнилую банановую кожуру, пустую упаковку от сигарет, смятую пивную банку, салфетки, товарные чеки, фантики. Ничего, что могло бы хоть отдаленно напоминать мусор из самого дорогого района Москвы.

— Садись, два. А у тебя что, Стас?

— Все то же самое, с той только разницей, что и в первом, и во втором пакете есть странные скрученные салфетки.

— Молодец, Крячко, мастерство не пропьешь! Это те самые салфетки, которые Жанна скрутила сегодня. Она и угол скатерти скручивала, и салфетки, нервная какая-то барышня.

— Ну и что тут такого? — недоумевающая, спросила Анна.

Гуров сел на свое место и снова закурил.

— Все бы ничего, только вот мусор, который Крячко изъял сегодня утром, был вчерашним. Его выносят раз в два дня — я узнавал у соседки. А это означает, что Жанна была в день убийства в квартире своей бабушки, но нам об этом не сказала. По ее словам, последний раз она видела Фельцман неделю назад.

— А я тебе сразу сказал, что эта серая мышь еще себя раскроет, — засуетился Крячко. — А что же ты ее не задержал?

— Не будем спешить, она должна скоро явиться на допрос, вот тогда и выведем ее на чистую воду, пусть фотографии собирает, которые обещала нам передать. На одних салфетках из мусорного бака дело не сшить. Анна, а что бы ты сказала о других фигурантах, есть такие у тебя на примете?

— Кого вы подразумеваете под фигурантами? Неужто соседку из тридцать девятой?

— Именно ее! Лидия Семеновна Туманова — не самый приятный в общении человек, как выяснилось и подтвердилось в ходе опроса. Ненавидит всех соседей, а те отвечают ей взаимностью. К покойной часто приходила по каким-то нуждам, получала от нее подарки. Живет бедно, имеет маленькую пенсию, при этом очень завистливая. На мои вопросы отвечала дерзко, информации дала минимум. Чем не портрет убийцы?

— Да ну, ну как может старушка убить? — рассмеялась Аня.

— Может, Аня, может. На моей памяти была такая бабуля божий одуванчик. Внешне у любого здравомыслящего человека не то что сомнений в ее адрес не появится, а даже возникнет желание чем-то помочь. Старенькая, слабенькая, скрюченная вся, а таки смогла взять топор в руки и зарубить своих взрослых детей-алкашей и мужа. Сначала под горячую руку старушки попался ее дед. Зарубила она его, когда он спал, и хотела сбросить ночью в деревенский пруд, но побоялась, что тело всплывет и все узнают об убийстве. Отправила труп в погреб.

— А как же его нашли?

— Пришла дочь, увидела кровь, стала бабушку расспрашивать, куда пропал дед, та все и рассказала. Наш гуманный суд пожалел старушку и дал ей всего восемь лет. Отсидела Мелихова, вышла, а дома бардак — дети пьют, гуляют, порядка нет, вот она и порешила сына и дочь за их плохое поведение. Топор уже был другой, но не менее острый. Трупы также в погреб стащила, но не выдержала, вышла к соседям и рассказала о случившемся. Опять закрыли старушку, на сей раз до конца ее жизни. Вот такая леденящая душу история. А ты говоришь, не сможет бабушка убить.

— Ничего себе! Выходит, вы и Туманову подозреваете? — удивилась Анна.

— А это будет для тебя домашним заданием. Подумай, помозгуй, годится Туманова на роль преступницы или нет?.. Что-то засиделись мы с вами, ребята, пора по домам. Уже забыл, когда домой вовремя возвращался.

Глава 11

Домой Гуров всегда шел медленно. Это было то время, когда он приводил в порядок свои мысли. В голове, как в библиотеке, все должно быть по полкам и по алфавиту, считал Лев Иванович и был прав, потому что для сыщика очень важно при расследовании не упустить из виду ни одной детали. Все, что утром полковник замечал, на чем останавливал свой взгляд, вечером, как правило, его уже не интересовало. В этот момент погружения в себя Гурова вдруг прервал резкий сигнал автомобиля, который притормозил рядом.

— Идет, мечтает, никого не замечает, — крикнула Гурову из окна авто симпатичная женщина.

— Маша, — расплылся в улыбке Лев Иванович и поспешил сесть в машину, которая остановилась в неполюженном месте.

— Что, опять у тебя аврал? — поняла по задумчивому выражению лица мужа Мария.

— Да, как всегда, куча дел, и, как всегда, появляется то, что отодвигает все остальное на второй план. Это называется «снежный ком», а в моем случае это целая лавина, которая несется вниз, потому что у меня везде горят сроки. Еще и практикантку мне навязали сегодня, представляешь?

— Вот как! И что, даже симпатичную? — иронично изобразила ревность Мария.

— Симпатичную. Крячко оценил. Целый день глаз с нее не сводил, даже одергивать приходилось.

— Стас в своем репертуаре. Бедная Наташа, сколько она уже перетерпела таких практиканток! И ведь не бросает его, любит.

— Ладно, сами разберутся... Как у тебя дела?

— Все хорошо, дали новую роль. Скоро придется ехать на месяц на съемки в другой город, даже еще не выбрали, в какой именно. Это должен быть провинциальный городишко, а я играю влюбленную дурочку, которая терпит своего мужа-тирана.

— Ну, тогда тебе и играть не придется, у тебя ведь тоже муж — деспот: на работе пропадает, внимания не уделяет,

в отпуск одну отправляет, а ты все терпишь, терпишь... — лукаво улынулся Гуров, напрашиваясь на комплименты.

— Да, действительно это будет моя лучшая роль, не придется долго вживаться в образ, — засмеялась супруга.

— Эх, Машка, а на самом деле как же хорошо, когда можно прийти домой и хотя бы немного расслабиться там, где тебя ждут и любят. Ты знаешь, моя мать всегда мне говорила, что залог крепких отношений в семье — это умение слышать и слушать друг друга. Она за свою многолетнюю практику работы психологом выработала одно правило, которое я практикую и в нашей семье.

— Ничего себе! А я, оказывается, подопытный кролик и ничего не знаю об этом, а в моей семье действуют какие-то правила без моего ведома. Ну-ка, поподробнее...

— На самом деле ты это правило охотно выполняешь, даже активнее меня. Это правило трех минут. Когда встречаешь на пороге члена своей семьи, просто удели ему три минуты своего времени. Спроси о том, как у него дела, чем запомнился этот день, а не нагружай сразу какими-либо обязанностями. Очень действенная штука, которая удивительным образом сближает людей.

— Да, верно, а я и не задумывалась над этим. Так, интуитивно всегда спрашиваю, да просто спрашиваю, потому что интересно. Кажется, мы с тобой попали в пробку...

— Да, я бы давно уже был дома, если бы пошел пешком.

— Не сердись. Лучше расскажи, кого сегодня убили?

Гуров иногда рассказывал жене о совершаемых преступлениях, но без лишних подробностей. Маша, как творческая натура, получала от этого какой-то адреналин, иногда подобная информация даже помогала ей в работе, пробуждала фантазию, а она срисовывала образы. На этот раз получасовая автомобильная пробка погрузила актрису театра и кино в историю о загадочном убийстве старушки с сокровищами.

Гуров избирательно рассказывал, а сам анализировал каждое слово соседок, внучки убитой и соединял их с картиной преступления. И вдруг он вспомнил о женихе Жанны. Тот будто ушел на второй план, а меж тем ведь этот герой второго

плана бывал в квартире покойной. «Артист, подающий большие надежды» — именно так охарактеризовала его Жанна.

— Маша, поскольку ты вертишься во всей этой театральной и киношной среде, тебе ведь не составит труда найти по имени артиста?

— Что, даже без фамилии?

— В этом нет проблемы, я скоро ее узнаю.

— Попробую, а что именно нужно узнать?

— Все, что сможешь. Эти данные, возможно, и не пригодятся для дела, но проверить мы все же обязаны.

— Для тебя, мой милый, все, что угодно.

— Так уж и все?

— В пределах разумного, конечно.

— Тогда давай сейчас свернем налево и посетим уютный итальянский рестораник. Как смотришь на мое предложение?

— Налево я не хожу и тебе не советую, не бери дурной пример со своего дружка Крячко, а вот против ресторана я ничего не имею против.

— Кстати, не могу сказать, что Стас изменяет Наташе, свечку не держал, а смотреть на красивых женщин — это ведь еще не преступление.

— Я вот Наташке позвоню и расскажу про эту практикантку, пусть держит ухо востро.

— Маша, зачем? У них и так не все сейчас сладко и гладко, женщина будет волноваться, а там нет никаких предпосылок, только вздохи Крячко по молодой особе.

— Пусть знает. Печет сутками ему пирожки и щи-борщи с компотами на работу таскает, а он там взглядами баб раздевает. Нет, так дело не пойдет. Из женской солидарности я обязана, даже не отговаривай...

— Ладно, тебе, как женщине, виднее, я ведь тоже хочу, чтобы у них жизнь наладилась.

Впереди Гурова ожидал прекрасный вечер с женой, и такие минуты он очень ценил, поскольку оба часто бывали в командировках и сутками пропадали на работе, но оттого и любили они друг друга только сильнее.

Глава 12

В отличие от Гурова Анна провела этот вечер с ручкой и тетрадкой в руках. У нее было сложное домашнее задание от самого Льва Ивановича. До глубокой ночи девушка по-секундно восстанавливала в памяти свой первый день практики, пыталась даже схематично изобразить план квартиры и набросать показания свидетелей.

«Главный вопрос: могла ли убить Туманова? Неужели в этой хилой старухе есть столько сил, чтобы пробить череп другому человеку? Ведь для этого нужно быть крепким не только физически, но и психологически, — размышляла Анна. — Хотя у этой мегеры хватит злости на весь дом, так что барьеров для ее психики, кажется, нет. А зачем тогда она сама позвонила утром участковому и сообщила об убийстве? Хотя, возможно, это хитрый план: так она отводит от себя подозрения, никто же не будет обвинять старушку в таком зверстве. А если действительно убийца старуха, как в том случае с бабкой, которая убила своего мужа и детей, о чем рассказывал Гуров? Совершенно чудовищная история. Нужно обязательно рассказать о ней отцу. Ах да! Как же я забыла позвонить...»

Только Анна подумала о том, чтобы набрать номер телефона своего отца, как вдруг в сумке задребезжал мобильник. В результате сорокаминутной беседы отец узнал о горестных поражениях и радостях побед этого знакового дня для дочери и был в полном восхищении как детективный агент, что его куколка, красавица и умница нашла вещдок. Гордость за свое сокровище брала верх над всеми недочетами, да и сама Анна была больше собой довольна, чем огорчена. Перекладывать на отца домашнее задание Аня не собиралась, поэтому и спрашивать ни о чем не стала, хотя он настойчиво предлагал свою помощь.

Кроме как с отцом Ане делиться сокровенными тайнами было не с кем. Мать жила в другой части страны с новым мужем. Родители развелись, когда Ане было всего 11 лет. Именно отец посвятил ей себя, вырастил, поставил на ноги да еще и сам успел профессионально реализоваться. Перед

Анной был неплохой пример, к которому она всегда тянулась. Отец для нее стал опорой и образцом для подражания. И тогда, и сейчас у Анны не было обиды на мать, поскольку все самое лучшее в этой жизни дал ей папа.

Часы отсчитывали первые минуты нового дня, а в голове оставалась еще уйма вопросов без ответов...

Будильник начал пиликать в 6.30, прервав сладкий и такой короткий сон. Все привычные утренние дела сегодня совершались на автопилоте, нужно было спешить. Во-первых, Гуров не любит опозданий, а во-вторых, он наконец скажет, какова роль Тумановой в этом преступлении, причастна ли она к убийству...

— Всем доброго утра и хорошего дня! — сказала Анна, входя в кабинет так, будто делала это уже сотни раз.

Происшествие прошлого дня настолько сблизило ее с операми, что она уже считала себя частью команды, но, естественно, не претендуя на то, что так же считают ее частью команды опытные коллеги.

— Доброе! — пробормотал Гуров и продолжил копаться в бумагах, даже не взглянув на Анну.

Лев Иванович и Стас были погружены в свою рутинную работу, которой всегда немерено. Каждый из них выкраивал минуты, чтобы подбить хвосты, потому что в конце месяца Орлов с каждого спрашивал по полной программе, невзирая на личные поручения и объем работы. Молодых сотрудников подобное раздражало, а вот Гуров и Крячко привыкли к такому режиму работы, поэтому всегда находили время для писанины.

Аня, которая не спала полночи, изнемогая от желания узнать про Туманову, была несколько расстроена, увидев, что сыщики хладнокровно и монотонно работают. Ведь у нее внутри разгорелся целый пожар, на таком энтузиазме можно было бы хоть в космос, а тут скупое «здрасте».

Около часа она просидела рядом с операми, терпеливо ожидая поручений, а потом все же рискнула спросить:

— Лев Иванович, а что все-таки с Тумановой, с той старушкой из тридцать девятой квартиры? Могла она убить Фельцман?

— Кажется, это было твоим домашним заданием?.. Как сама думаешь?

— Все-таки думаю, что ее не стоит снимать со счетов. У нее был мотив, да и психологический портрет к совершению преступления располагает.

— Анна, нельзя строить версию на догадках. Психологический портрет — это то, что нам помогает в повседневной жизни, например, выбрать занятие по душе или понять, подходит индивид для общения или нет, но вот определять преступника и дальнейшую судьбу человека по психологическому портрету — глупо.

— Выходит, раз нет неоспоримых доказательств причастности или непричастности Тумановой к убийству, мы не можем на данный момент сделать относительно нее никаких выводов?

— Нет, почему же... Я ее исключил из числа подозреваемых по одной, но весьма весомой причине.

Тут у Анны замерло сердце, вот он, момент истины, которого она так ждала!

— У Тумановой рост ниже среднего. Покойная же — дама статная, высокая. В момент нанесения удара Фельцман не сидела, не лежала, а стояла и упала на пол с высоты собственного роста. Так что Туманова может спать спокойно, а вот Жанна в этом смысле подходящая фигура, у нее рост, как у тебя, Анна.

— Так просто?

— И так сложно одновременно. Ты ведь даже не подумала об этом, согласишься? А надо было... Стас, что там у нас, нет известий от эксперта относительно Фельцман?

— Есть. Как я и предполагал, все очень интересно!

— Интригуешь, давай, рассказывай!

— Помнишь, на журнальном столике в спальне стоял недопитый чай?

— Припоминаю, и что там?

— Там лошадиная доза лекарства для сердечников и очень много ртути. Видимо, этим коктейлем наш любитель драгоценностей решил напоить бабулю до смерти, но не полу-

чилось. Может, вкус напитка ей не понравился, или просто старушка осторожничала, что-то почувствовав.

— Вот как!.. Получается, орудием преступления должен был быть смертельный чай, а стала раритетная статуэтка с журнального столика.

— Выходит, так.

— Не хочу восхвалять свои таланты, но я вчера все правильно вам разложил... Фельцман открыла дверь тому, кого хорошо знала, тому, кто готовился к совершению преступления. Ну, этот «Фаберже» и заварил нам чая... Еще и мы коктейлем надышались. Здорово! Профессия с риском для жизни, улавливаешь, Анна? Нужно тебе такое перспективное будущее?

Анна лишь молча смотрела на Гурова испуганными глазами.

— А, вот еще любопытный момент! — продолжил Крячко. — Камешек, который Аня нашла под дверью... Это действительно, как и сказала Жанна, рубин. И на нем имеются посторонние отпечатки пальцев.

— Есть! — восторженно выкрикнул Гуров. — Хоть что-то!

— Так-то оно так, только отпечатков больше нигде нет, и не факт, что те, что на рубине, принадлежат убийце.

— Да, ты прав, Стас, поработать еще придется знатно. Кстати, что там по ломбардам?

— Глухо пока, ребята вчера все прочесали в округе и за городом. Нет ничего того, что хотя бы отдаленно напоминало наши сокровища.

— Сегодня должна прийти Жанна с фотографиями, нас ждет яркая беседа, надо бы хорошенько подготовиться. Я проверил ее, ничего за ней нет, к ответственности не привлекалась, но скрывать от следствия важные факты у нее получается.

— Что думаешь, задерживать ее?

— Ну, если сама сознается в содеянном — то конечно, но в этом я почему-то сомневаюсь. На днях должны быть похороны, завтра тело Фельцман отдадут родственникам, было бы неплохо побывать на этой «встрече». Может быть, что-то

узнаем, кого-то увидим. Сколько раз было так, что преступник околачивался поблизости, чтобы посмотреть на свою жертву...

— Да, обязательно нужно на похороны съездить, я раз узнаю, где, когда и как они будут проходить.

— Хорошо, Стас. И еще тебя попрошу: нужно организовать слежку за Жанной. Верить на слово теперь ей нельзя, раз единожды хотела обвести вокруг пальца, то непременно появится желание повторить этот фокус снова.

Вскоре с проходной позвонили и сообщили, что явилась Жанна Валентиновна Вайцеховская. Гуров предусмотрительно попросил провести ее внутрь, за вертушки, и для ожидания посадить в переговорную. Это помещение было непохожим на остальные кабинеты. Из мебели там стоял большой стол, несколько стульев, рабочий телефон, окна плотно закрывали жалюзи, так, что решеток видно не было. Аккуратная чистая комната, в которой проводились встречи, иногда очные ставки. Лев Иванович, уже зная, как поведет себя Жанна, понимал, что именно там ей будет проще адаптироваться к новой для нее обстановке.

— Лев Иванович, а почему же мы не идем? — любопытствовала Анна.

— А что, у тебя есть острое желание вывести Вайцеховскую на чистую воду, Аннушка? Подождем часок.

— Часок?! Целый час?!

— Пусть посидит, подумает, настроится на беседу, на фотографии из семейного альбома еще раз посмотрит. Ты же сама мне недавно рассказывала про психологический портрет, вот тут-то он как раз и нужен. Помнишь, как Жанна нервничала во время беседы на квартире убитой? В этот раз я не собираюсь тратить время и хочу получить уже готового к показаниям клиента.

Анна достала свой блокнот и что-то в него начала усердно записывать.

— Вот это правильно! Конспектируй, а я, может быть, когда-нибудь мемуары по твоим конспектам напишу при твоём содействии.

Минут через сорок прибежал Крячко и сообщил, что Жанне стало плохо в переговорной, вызвали медсестру, и теперь ее отпаивают водой.

— Пора, — сказал Гуров и неспешно выдвинулся из кабинета, прихватив с собой папку с бумагами.

Глава 13

К моменту прихода Гурова Жанна уже пришла в себя и даже обрадовалась, что в незнакомом помещении она видит того, с кем ей уже доводилось общаться. Именно такой реакции и добивался хитрый Лев Иванович, который дальше вел себя так, будто он явился спасти Вайцеховскую из плена казенных стен. Он улыбался, показывал свое расположение к Жанне, и она расцветала на глазах.

— Вот все, что я нашла. Перерыла огромный архив семейных фотографий, постаралась найти каждое украшение, чтобы вы были в курсе, что пропало целое состояние. — Жанна вывернула на стол содержимое большой папки.

— М-да... Впечатляет! — искренне удивился Гуров.

Эта куча фотографий только на первый взгляд казалась хаотичной и бессистемной. На самом деле все снимки были распределены по временным группам. Гуров заметил, что сначала Жанна отобрала черно-белые фото, затем пошли цветные, встречались также снимки моментальных фотографий камеры «Полароид», которая была популярна в девятые годы. И в самом конце оказалось совсем немного современных цветных снимков.

В этой стопке фотографий была целая жизнь, чье-то семейное счастье, радостные лица людей, которые отмечали вместе праздники, путешествовали, посещали театры, музеи, выставки, выезжали вместе с друзьями на пикники. А в самом конце стопки действующих лиц на фото фигурировало все меньше и меньше, в улыбках был уже не задор, а сдержанность.

— Это бабушка со своим отцом, моим прадедом, на ней как раз колье, которое он подарил ей на восемнадцатилетие.

А вот тут бабуля уже старше, в театре на спектакле, «выгуливает» изумительный комплект с изумрудными серьгами. Здесь моя мама с бабушкой, — сказала Жанна и вдруг резко замолчала.

— Ваша мама жива и здорова? — поинтересовался Гуров.

— Нет, к моему глубокому сожалению, мамы больше нет в этом мире. Она умерла совсем рано, когда мне было пятнадцать. Это был очень сложный период в моей жизни. Я осталась совсем одна, потому что ни с отцом, ни с бабушкой на тот момент я не была близка так, как с мамой.

— И кто же вам помогал? Кто жил с вами?

— Сначала я год жила с отцом, а потом переехала в отдельную квартиру, которую оставил мне покойный дедушка. Спасибо ему за то, что дал этот угол, ведь особенно никто со мной больше не сюсюкался.

— А почему же родственники отвернулись от вас?

— Не отвернулись, просто у каждого началась своя отдельная от меня жизнь. Отец нашел себе какую-то молодую дамочку лет двадцати. Бабушка занималась исключительно собой: у нее никогда не было выбора, кого любить больше, — всегда на первом плане стояла она сама.

— А чем занимались вы? Как все это время зарабатывали на жизнь?

— Я освоила компьютер и находила подработку в интернете. В школе мне хорошо давались иностранные языки, собственно, и школа-то была с углубленным изучением английского и испанского, поэтому основной моей работой стали переводы.

— И много ли можно заработать сейчас на переводах?

— Много, если пристроиться куда-то на постоянной основе. Но мне всегда не везло, да и сейчас не особенно везет в этом деле. Так, единичные заказы... Но я не жалеюсь.

Гуров успевал одновременно слушать Жанну и просматривать фотографии. Внезапно Лев Иванович решил сменить тему разговора и направить его в удобное для него русло:

— И все-таки, Жанна, о чем вы беседовали с Татьяной Николаевной в день ее смерти?

Эффект неожиданности сработал: Жанну взволновал этот вопрос:

— Вы имеете в виду по телефону?

— Нет, я имею в виду во время вашего к ней визита.

— Я... я... не была. Я была неделю назад, — заикаясь, начала говорить Жанна. — Почему вы решили, что я?..

— Потому что есть неопровержимые факты, подтверждающие, что вы были на месте преступления в тот день. Будете дальше отрицать очевидное — загоните себя своей ложью в тупик. Поверьте, лучше во всем сознаться прямо сейчас. Суд в этом случае будет к вам благосклонен.

— Нет, это не я, как вы могли подумать, что я могу убить собственную бабушку!

— Мне очень не хотелось бы так думать, но факты — вещь упрямая, и они сейчас играют не на вашей стороне.

— Я расскажу, я сейчас все расскажу, как было...

— Будьте любезны, мы все очень этого ждем.

— Я солгала, я действительно солгала. Я была у бабушки за день до того, как узнала о том, что она мертва. Но я ее не убивала!

— Давайте обо всем по порядку. Расскажите, что привело вас к родственнице, что вы делали в ее квартире?

— У меня есть жених — Вадим, я вам рассказывала о нем. Мы собираемся пожениться, — нервно и при этом быстро заговорила Жанна, стараясь убедить всех присутствующих, что на этот раз она говорит правду. — Свадьба — это очень затратное дело...

— Поэтому вы решили раскулачить бабушку, — ляпнул стоящий в стороне Крячко, уже не имевший никакого терпения наблюдать за душеизлияниями предполагаемой преступницы.

Гуров пресек выпад Стаса холодным взглядом, но на сей раз наскок Крячко не имел никакого влияния на Жанну, она была на пике своих эмоций, и уже никто не мог остановить поток ее показаний.

— Да нет же, я пришла просить ее о помощи, потому что мне больше не к кому идти. Отцу мои проблемы и заботы не

нужны. А у кого мне просить денег? Белое платье, фата — я мечтала об этом, как и все девочки. Да, мне уже тридцать один, все мои подружки уже успели выйти замужем, а некоторые даже развелись, а мне всегда не везло на мужчин. А тут я встретила такого замечательного человека! Имею же я право на счастье, в конце концов?

— Имеете, конечно, только вот какой ценой... Кстати, назовите, пожалуйста, полное имя вашего возлюбленного.

— А зачем вам Вадим? Его со мной не было, он совершенно ни при чем, нашими семейными дразгмами никогда не интересовался. Он потрясающий человек, и я не хотела бы, чтобы вы его втягивали в эту историю, в которой пострадала не только бабушка, но и все наши родственники.

— Жанна, не переживайте, так нужно для порядка — не более того. Никто ему никаких претензий предъявлять не собирается, на допросы вызывать пока тоже не будет, просто назовите имя для протокола и все.

— Липатов Вадим Алексеевич, — дрожащими губами прошептала Жанна так, будто она в этот момент предавала своего жениха.

— А сколько ему лет?

— Кому? — испуганно спросила молодая женщина.

— Жениху вашему.

— Двадцать девять.

— Отлично, продолжайте, пожалуйста, — спокойным тоном произнес Гуров, — вы решили попросить денег у бабушки, а она?..

— Да, я решила попросить денег у бабули на платье, перчатки, фату, но она мне их не дала.

— А что так?

— Не оказалось свободных средств. Те деньги, что лежат на счетах в банках, снять было нельзя, потому что сгорела бы приличная сумма накопленных процентов, а то, что бабушка оставляет на свои ежемесячные нужды, она спустила на какие-то заказы в телемагазинах. Она была большой любительницей покупать разную всячину, которую ежедневно навязывают в рекламе на ТВ. Что она только ни покупала

втридорога: и посуду с суперпокрытием, которая ничем не отличалась от самой дешевой, что продается в торговых рядах; и чудо-штуковины разные, которые «сделают вашу жизнь проще и лучше». Все это «богатство» она передарила другим людям, например, соседкам или своим подружкам.

— И что же было дальше, когда вы поняли, что она не даст вам той, необходимой для свадьбы, суммы денег?

— Я... я... — Щеки Жанны стали пунцового цвета, она с трудом могла говорить от стыда, от кома в горле, который перехватил дыхание. — Я попросила ее продать что-нибудь из своих украшений.

— А она не согласилась? — угадывал Гуров.

— Да, она сказала, что свадьба — это не повод, чтобы лишаться семейных реликвий. Бабушка очень разозлилась, сказала, что я своей просьбой предаю память прадеда, что он старался для нас, для детей и внуков, а я все оцениваю только в денежном эквиваленте.

— А это так на самом деле?

— Нет, нет, поверьте, я тоже ценю труд и мастерство своего прадеда и уже сейчас понимаю, что поступила глупо, предложив продать ценную для бабушки вещь, но в тот момент меня с головой накрыли эмоции и ощущение, что меня никто не любит, что какие-то побрякушки дороже счастья близкого человека.

— Эмоции? Вы себя не контролировали?

— Не до такой степени. Я была подавлена, расстроилась, конечно. Говорить больше мне с бабушкой было не о чем. Я видела, что она в полном здравии, в моей заботе не нуждается, точнее даже сказать — ни в чем и ни в ком не нуждается. Я молча развернулась и ушла домой.

— А Вадиму вы об этом разговоре с Татьяной Николаевной рассказали?

— Что вы?! Он даже не знал о том, что я собиралась просить у бабушки помощи. Он надеется только на себя, работает, старается для нас двоих. Вадим бескорыстный, добрый.

— Очень хотелось бы познакомиться с этим великодушным и потрясающим человеком, — намекнул Гуров на то, что хотел бы встретиться с Вадимом.

— Вы же говорили, что вам он не нужен и его имя — это только формальность для протокола! Что-то изменилось?

— Нет-нет, не беспокойтесь, если вдруг он нам понадобится, мы вас предупредим.

Гуров, конечно, надеялся на то, что Жанна будет готова рассказать, как совершила преступление, и начало показаний о том, что ей нужны были деньги на свадьбу, очень походило на правду, на мотив преступления, но результат оказался, мягко сказать, иным, не совсем удовлетворившим присутствующих. Выходило так, что ничего не складывалось из тех версий, что разработал Лев Иванович. Этот досадный провал был вполне себе допустим, ведь расследование только начали, но Гуров понимал, что работа еще предстоит колоссальная.

— Жанна Валентиновна, а все-таки почему вы решили соврать, скрыть от нас тот факт, что были в день убийства в квартире бабушки?

— Вы знаете, я никогда в своей жизни не сталкивалась с подобным, мне стало страшно, что вы будете меня подозревать, мне было стыдно, что я склоняла бабушку к тому, чтобы продать украшения. Мне и сейчас стыдно и противно, что бабуля ушла из этого мира с дурными впечатлениями и воспоминаниями обо мне. Только и осталось рассматривать вот эту стопку фотографий... Кстати, вот та самая брошь, от которой вы нашли рубин.

К столу сразу подскочили Крячко и Анна. Они начали рассматривать снимок. Камень был очень похож на тот, что нашла Анна. Массивная брошь представляла собой цветочный букет, где лепестками и бутонами служили изумруды, сапфиры, рубины и бриллианты, — довольно контрастное ювелирное изделие, которое смогла бы носить не каждая дама...

Жанна дала подписку о невыезде и надлежащем поведении и покинула переговорную, оставив для глубокого разбора и приобщения к материалам дела стопку фотографий с пропавшими украшениями.

Глава 14

— М-да, час от часу не легче. Где теперь и кого искать? Украшения как в воду канули, все версии разом по швам трещат, — сокрушенно проговорил Крячко.

— Да ты не опер, а кладезь народных пословиц и поговорок, — усмехнулся Гуров. — Вот тебе еще одна в копилку: «Ищи, как собака блох ищет — по шерстинке». Хотя нет, Стас, тебе вот эта подойдет: «Добрая жена да жирные щи — другого добра не ищи», — засмеялся Лев Иванович.

— Лева, сколько можно издеваться? — выглядывая из кабинета в коридор, нервно пробормотал Стас. — Твои замечания на меня не действуют, у меня своя голова на плечах имеется, и она даже думать умеет, представляешь себе? Ты случайно про практикантку Машке не рассказывал? Что-то моя Наташа вчера как-то настойчиво интересовалась успехами на работе и сегодня уже раза три звонила. Не к добру это! А самое главное, что абсолютно беспочвенно!

— Даже если и рассказал, то что с того? Я тебе только добра желаю и в равной степени дорожу и тобой, и Наташей, вы для меня одно целое. Я же вижу твой взгляд гулящего мартовского кота, ты меня не проведешь. Запомни, шашней при мне и рядом со мной у тебя не будет. Это я тебе серьезно говорю и повторять не собираюсь. Усвой, будь добр, и не веди себя, как юнец, бегающий за каждой юбкой.

— Лева, ты меня обижаешь. Когда такое было, чтобы я Наташе изменял?

— Изменял или нет — не знаю, а нервы ей уже подпортил изрядно. Охлади свой пыл и спусти всю энергию на поиски «Фаберже», пользы будет больше. Чувствую, еще долго нам придется бегать. Как бы и вовсе «глухарем» это дело не оказалось.

— Жанну дожимать нужно.

— Все-таки думаешь, что она? — удивился Гуров настойчивым предположениям Стаса.

— Да конечно, она. А ты думаешь, что человек, который первый раз соврал, на второй раз скажет только правду и ни-

чего, кроме правды? Ага... Мотив у нее был, я тебе сразу сказал, что эта нищенка за деньги бабушку убила. Серая мышь со странностями. Я совершенно не понимаю, почему ты ее не задержал? Нет, может, в этом и есть какое-то рациональное зерно, учитывая, что наши ребята за ней следят. Есть шанс, что она захочет все-таки сбыть украденное у Фельцман, и сбежать ей не дадут, но все же...

— Не торопи события, Стас. Еще ни одно наше дело не было простым, на то мы и сотрудники «по особо важным делам». Ты же сам знаешь, чем истина глубже, тем слаще вкус победы. Сейчас Жанна под полным нашим контролем, так что о ней я не беспокоюсь, а вот украшения могут уйти нелегально за рубеж.

— Да, как-то нужно их искать, только как?

— Как... Поднимать осведомителей, искать свои каналы. Теперь мы знаем, что именно пропало. Вторых таких украшений не существует, они уникальны, хотя бы в этом нам повезло. Как эти драгоценности дожили до наших дней? Это просто чудо. Прадед Фельцман был весьма рискованным человеком. В советское время за его подпольное ювелирное дело расстрельную статью могли дать, ведь он, по сути, нелегально занимался камнями.

В кабинет вошла Аня, и Гуров с Крячко дружно замолчали. Они не скрывали от практикантки ничего, просто до сих пор им сложно было привыкнуть, что в тесный мужской коллектив резко ворвалась прекрасная дама.

— Что, Аня, как там Орлов поживает? Наябедничала ему про нас, как мы тут тебя на прочность испытываем? — поинтересовался Гуров.

— Нет, похвалила, попросила премию вам выписать, — в той же манере ответила Аня.

— Ага, и орден Сутулого за особые успехи в поисках преступников. Что думаешь по поводу Жанны?

— А что тут думать?.. Мне кажется, она не врет, только вот доказать это пока невозможно. Как я поняла, алиби у нее нет, как нет и других фигурантов по делу, более подходящих на роль убийцы. Нужно копать дальше...

— Золотые слова, Анна! Ты меня не перестаешь приятно удивлять, — без тени иронии произнес Гуров и с головой ушел в свою папку с документами.

Глава 15

Следующие два дня Гуров, Стас и Аня провели за изучением похищенного по фотографиям, отработкой разных версий и поиском украденных сокровищ на барахолках Москвы. Конечно, можно было отправить туда других сотрудников уголовного розыска, что тоже было сделано, но Гуров руководствовался принципом «хочешь сделать хорошо — сделай сам». Лев Иванович знал, что среди старья и хлама на блошинных рынках он ничего не найдет, но ему важно было лично пообщаться с людьми, которые там работают, чтобы выяснить, кому может быть интересен такой уникальный товар.

На исходе второго безрезультатного для расследования преступления дня Анна рискнула выступить с предложением, которое спонтанно возникло у нее в голове. Она вдруг вновь вспомнила тот случай с картиной из практики своего отца. Ведь он тогда потратил не один день, чтобы найти холст, но в итоге все-таки смог это сделать.

— Лев Иванович, как вы смотрите на то, что я привлеку к делу своего папу? Он не так давно занимался поисками картины, и у него наверняка остались связи с владельцами антикварных лавок по всей стране. Он тогда прошерстил буквально все лавки, но успешно выполнил задание клиентки.

— Нашел?

— Нашел, не сразу, но нашел, он у меня отличный детектив, и ребята с ним толковые работают.

— Стас, неужто практикантка намекает на то, что мы с тобой бестолковые?

— Ни в коем случае, Лев Иванович. Я правда хочу как лучше и как быстрее, ведь богатство Фельцман может оказаться на черном рынке далеко за пределами России, а тогда его уже практически невозможно будет найти.

— Верно, Аня, даю тебе зеленый свет. Если есть желание помочь, то почему бы и нет. Напоминаю, завтра, в двенадцать, похороны убитой, всем быть. Рекомендую не толпиться, рассредоточиться по одному и наблюдать за происходящим, а потом доложить мне о том, что запомнилось, бросилось в глаза. Принято?

— Принято, — синхронно ответили Стас и Анна.

— Ну и ладно, значит до завтра, мои боевые товарищи, — на хорошей ноте завершил рабочий день Лев Иванович, хотя настроение у него было наипаршивейшее.

Дома Гурова уже ждал вкусный ужин. Жена была в ударе и приготовила массу кулинарных изысков, ничем не хуже тех, что подают в лучших столичных ресторанах, а может быть, даже и лучше, если учитывать, что порции дома существенно больше.

— Вашему вниманию: бефстроганов; зеленый салат с яйцом по парижскому рецепту; канапе с моцареллой, помидорами черри и оливками; чесночные гренки, а на десерт — груша фламбе, — доложила Мария, словно заправский шеф-повар, стоя рядом с красиво накрытым столом и повесив на руку полотенце.

— Ничего себе! Звезду Мишлен в студию! — скомандовал Гуров. — У нас сегодня какой-то праздник?

— Нет, скорее напротив, у нас сегодня грустный вечер перед моим отбытием в провинциальный город на съемки очередного шедевра с участием вашей покорной слуги.

— Что уже? Так скоро?

— А ты думал, что будем полгода собираться? Нет, у нас и запрягают, и едут быстро, потому что интересы аудитории стремительно меняются. Зрителя нужно баловать чаще, иначе о тебе забудут, это касается не только актеров, но и режиссеров, сценаристов. Век нашего брата недолог. Нужно все успевать: и купаться в лучах славы, и всегда быть в тренде, и мужа баловать вкусным ужином. Кажется, я справляюсь с поставленными задачами?..

— Да, Маша, ты гениальна во всем!

— Лев Иванович, вы сегодня щедры на комплименты, что очень приятно. За стол?

— С превеликим удовольствием!

Гуров пробовал каждое блюдо и совершенно искренне восторгался, поскольку ужин действительно получился отменным. Он как истинный гурман смаковал каждый кусочек. Особенно ярким оказался вкус груши. «Нежнее нежного, беллиссимо!» — то и дело звучало из уст довольного мужа. Мария была очень рада такой высокой оценке, это мотивировало ее и окрыляло.

— И что теперь, когда я увижу тебя?

— Месяц, Лева, месяц придется нам жить вдвоем друг от друга. Но, думаю, это время быстро пролетит. У меня новая роль, у тебя — твое убийство, которое занимает большую часть всех твоих мыслей и думок, так что не успеем даже соскучиться.

— Согласен. Ты извини, что погрузил тебя в свою работу, на сей раз серьезная головоломка намечается.

— А у тебя было что-то простое? Всегда ребусы, загадки да головоломки. Я привыкла. И потом, ты же тоже терпишь «прелести» работы своей жены, так что мы с тобой отличная пара.

— Маша, а помнишь, я тебе рассказывал про одного «артиста, подающего надежды»?

— Помню, конечно, без роду, без племени и без фамилии...

— Есть теперь фамилия. Липатов Вадим Алексеевич.

— Хм, Липатов?.. Липатов Вадим... Ты знаешь, кажется, кто-то есть в нашей группе с таким именем. Я тут недавно списки видела, но внимательно ознакомилась только с теми, кто играет ведущие роли и роли второго плана, а он, скорее всего, среди статистов — в эпизодах играет. Больше пока ничего тебе сказать не могу, но в любом случае узнаю о нем на площадке.

— Отлично, Маша! Это просто замечательно! Ты будешь моим тайным агентом и осведомителем на съемочной площадке.

— Отчасти, милый, только отчасти, ведь у вас — тайна следствия, а у нас тайна съемочного процесса.

— Годится! — согласился Гуров и нежно прижался щекой к своей любимой Маше.

Глава 16

День выдался пасмурный, и, кажется, сама жизнь подгадала погоду к грустным его событиям. Зная примерное место будущего захоронения и время начала прощальной церемонии, было несложно найти группу людей, пришедших проводить в последний путь Татьяну Николаевну Фельцман. Собралось несколько десятков человек, в большинстве своем — старше средних лет и пожилые. Публика интеллигентная, скупая на эмоции. Кто-то стоял и молча смотрел на гроб с телом, кто-то перешептывался, вспоминая добрым словом Фельцман, или обсуждал неестественную смерть покойной:

— Говорят, у Тани голова пробита, да так сильно, что там дыра с кулак, представляешь? — шептались старушки.

— Да, слышала. А ведь лежит такая свеженькая. Сейчас такой грим в ритуальных услугах делают, будто живая и просто спит... А ты слышала, что украли все драгоценности, все, что у нее были? Там на миллионы долларов богатства хранилось!

— Бедная Жанна, ничего не получит от своей скупой бабки.

— Нельзя плохо о покойниках...

— Я не плохо, а честно. Что она от нее хорошего видела? Только упреки. Отец непутевый — отказался от девчонки, и бабушка никакой поддержки не оказывала. Разве это родня?

— Пусть покоится с миром. Нам она ничего дурного не сделала.

В толпе Гуров сразу заметил Жанну, она выделялась из общей массы, потому что без остановки рыдала. Это первое, что бросилось в глаза, поскольку ранее она не позволяла себе столь откровенно сокрушаться по поводу кончины своей бабушки. Опять Вайцеховская удивила своим поведением и дала сыщику новый повод для мозговой активности. Под-

ходить к Жанне в этот момент было абсолютно бесполезно, да и не нужно. А вот с кем-то из присутствующих Лев Иванович имел четкое намерение побеседовать после завершения церемонии.

Среди прочих Гуров выделил женщину лет семидесяти, которая руководила процессом похорон. У нее все было под контролем. Она тихонько отдавала распоряжения, благодаря чему мероприятие проходило по плану и без суеты. Друзья семьи, коллеги по работе получили возможность сказать теплые слова в адрес Татьяны Николаевны, затем традиционно все бросили горсть земли на гроб, возложили алые гвоздики и розы рядом с крестом, фотографией и новенькой табличкой с именем покойной. Татьяна Николаевна Фельцман улыбалась всем со снимка и блистала в роскошном колье, будто отыгрывая последнюю роль в свой звездный час. Присутствующие побрели в разные стороны.

— Здравствуйте. Позвольте представиться? Гуров Лев Иванович. Уголовный розыск. Могу я задать вам несколько вопросов? Это не займет много времени.

— Здравствуйте. Да, конечно, — безоговорочно согласилась женщина, при этом дала знак, чтобы Жанну, стоящую рядом с ямой, увели в машину.

— Приношу свои глубочайшие соболезнования. Вы, вероятно родственница покойной?

— Да, я Никонова Ирина Абрамовна — двоюродная сестра Татьяны, по ее собственному поручению занималась организацией ее же похорон.

— Не понял. Как это по поручению?

— Уважаемый, вы еще слишком молоды, чтобы понять нас, старух. Когда жизнь приближается к своему закату, становится уже небезразлично, каким образом нас будут провожать в мир иной. Это наш последний выход, понимаете? И лучше, если бы он был отыгран как по нотам, без эксцессов и трудностей. Организовать похороны в наше время — дело весьма затратное и хлопотное. Как правило, человек умирает неожиданно. Нужно срочно найти где-то средства, чтобы достойно провести церемонию и почтить память усопшего.

Таня, как и я, очень трепетно относилась к этому моменту и оставила мне довольно крупную сумму на тот случай, если она уйдет из жизни первой. Правда, умирать не по собственной воле она не собиралась. Просто по возрасту Таня была на десять лет старше меня. Вот я и отдала сестричке последний долг. Кажется, все прошло на высшем уровне, как считаете?

— Да, вы молодец, я сразу заметил, что именно вы здесь за главного, — сделал Гуров комплимент, который буквально выпросила гражданка Никонова. — Жанна так убивается горем, бедная девушка, сильно переживает утрату.

— Если бы, — неожиданно выдала Ирина Абрамовна.

— Вы так не считаете? — зацепился за эту фразу Лев Иванович.

— Только отчасти. Жанна потеряла свою первую и единственную любовь. От нее в неизвестном направлении ушел Вадим. А я ведь всегда думала, что же он, красавец, интеллектуал, мог найти в этой ничем не примечательной девушке, которой уже далеко не семнадцать и даже не двадцать пять. Но тут ведь дело такое: у каждого свои пристрастия, предпочтения и наклонности.

— Что, просто взял и пропал?

— Позвонил и сказал: «Больше не жди, у меня съемки, мы разные люди». Двойное горе, можно и так сказать. Она ведь очень замуж хотела, мечтала об этой свадьбе, всем родственникам уши прожужжала.

— А что же Жанне так не везло с личной жизнью, ведь за тридцать уже?

— Понимаете, в чем дело, — шепотом начала Ирина Абрамовна, — Жанна родилась у Вайцеховских поздно: поздний, но очень долгожданный ребенок. Саша — Александра, мама ее, и Валентин — отец, к моменту появления дочери уже потеряли всякую надежду завести ребенка. На этой почве отношения в семья были изрядно подпорчены, были ссоры и обвинения в адрес друг друга. Каждый старался побольнее уколоть другого, мол: «Это ты виноват или ты виновата в том, что нет детей». И тут вдруг долгожданная беременность Саши. Валик был на седьмом небе от счастья. Он очень стре-